

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

в мѣ "Уніонъ"
состоится

КОНЦЕРТЪ

Маріи Ивановны Долиной

КОНЦЕРТЪ

известной артистки.
воскресеньеВЪ ЗАЛѢ НОВОЙ БИРЖИ
Въ этомъ домѣ 6 этажаГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№3 (97)

Август. 2016 год

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Двести
двадцать
два

Нумерологи предложат удивительные толкования этого числа. Будут говорить о пульсациях, о триединстве... Но я совсем не об этом.

2 сентября 2016 года исполняется 222 года Одессе, со дня, когда забивались первые сваи там, где возникнет порт, там, где построят храм.

Иногда этот день одесситы отмечали очень торжественно. Как, к примеру, в 1894 году, когда праздновали столетие города. Иногда — достойно, как в 1944-м, когда 150-летие отмечалось через полгода после освобождения от фашистской оккупации. Были годы, к примеру, тридцатые, когда о годовщинах и не вспоминали, всюду строили коммунизм.

Сегодня мы чтим, мы помним, мы празднуем. Но как-то нерадостно на душе. Есть ощущение, что мы теряем ту Одессу, которая дала миру Гилельса и Рихтера, Столярского и Нежданову, Костанди и Фраермана, Багрицкого и Бабеля, Олешу и Катаева.

Город стареет, разрушается, рушатся здания, век простоявшие. Город безмозгло застраивается чудовищами, которые ничего общего не имеют с современной архитектурой. Вдруг самоуверенно то ли псевдообщественники, то ли ретивые чиновники переименовывают улицы по своему хотению, а не по воле горожан.

Я всегда считал, что Одесса — это плавильный котел и в нем переплавляются местные и пришлые, чтобы стать единым целым — одесситами. Этот котел работал без устали две сотни лет. Очень боюсь, что сейчас, к 222-му году, котел прохудился, и пар уходит в свисток.

Значит ли, что всё настолько плохо? Нет, нет и нет. Пишу об этом именно потому, что верю — у города, у горожан хватит сил еще раз напрячься и явить чудо, как Одесса делала это не раз. Вспомните: город не оккупировала англо-французская эскадра. Вспомните: город, в котором после октябрьского переворота власть менялась более десяти раз, перед войной явил институт Филатова и современный порт.

В сентябре этого года мы отмечаем 250-летие со дня рождения герцога де Ришелье, одесского Дюка, по сути, создателя феномена Одессы — многонационального, открытого миру, культурного и торгового центра, европейского города.

Мы продолжаем эти традиции. Международные музыкальный, литературный и кинофестивали. Блистательные скрипачи, ученики одесской школы, приедут в Одессу, чтобы дать здесь незабываемые концерты.

Это хорошо. Этого мало. Чтобы поднять город, нужны инвестиции. Чтобы появились инвестиции, должна быть атмосфера стабильности, доброжелательности, открытости всему миру. Тогда и только тогда оживет, пробудится спящая красавица...

Заканчивая писать эти строки, решил посмотреть во всё знающем «Яндексе» это число — 222. Ответ не заставил себя ждать: 222-я статья Уголовного кодекса Украины — финансовые мошенничества. Забавно. Так, может, и вправду этот год Одессы обойдется без финансовых мошенничеств, что будет способствовать ее процветанию.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Фото Олега Владимирского.

Запрос по сайту "Они оставили след в истории Одессы"

Добрый день. У бабушки в альбоме много фото, сделанных в Одессе, в фотоателье И. Антоноплю на Дерибасовской, 12 и ателье Ванштейна. Дата на фото — 4 апреля 1880 года. Вероятно, это мой прадед и его сестры. Фамилия — Брукендаловы. Я не знаю, кем он был и чем занимался. Хотелось бы узнать информацию об этой одесской семье.

А.В. Кириченко, коллектив Клуба одесситов Санкт-Петербурга.

Уважаемая Елена Олеговна.

Меня зовут Хонората, я студентка из Польши. Меня интересуют темы "блатной" песни — я хотела бы написать кандидатскую диссертацию об этом. Однако мне надо найти подходящую информацию. Могли бы вы мне помочь?

С уважением —

Хонората Жак.

Уважаемый Леонид Рукман!

Большое спасибо за ответ. Я студентка Ягеллонского университета в Кракове, а на 5-м курсе русистики. Большое спасибо за то, что хотите мне помочь. Я лишь начала искать информацию о блатной песне. Буду благодарна за какую-либо информацию про эти песни.

С уважением —

Хонората Жак.

Запрос по сайту "Они оставили след в истории Одессы"

Фриг Семён Григорьевич (1860 — 22 сентября 1916) — замечательный поэт, писавший стихи на русском, а также на идише и иврите. Его творчество сравнивали с творчеством Нагсона. С 1909 года жил и писал в Одессе, возглавлял общество литераторов Одессы. На похороны С.Т. Фрига пришли тысячи одесситов. Он был похоронен на старом еврейском кладбище, которое было варварски разрушено в 1976 году. Останки Фрига, как и останки Менделей Мойшер-Сфорина, Кармелена и некоторых других были перезахоронены на христианском кладбище. Могилы С.Т. Фрига заброшены, не имеет даже надгробной плиты, никто за ней не ухаживает. Во время оккупации Одессы памятник с могилы Фрига, представлявший собой громадный куб чёрного итальянского мрамора, вместе с некоторыми другими был украден румынами. После войны он был обнаружен в Бухаресте, выкуплен еврейской общиной и впоследствии предложен безвозмездно СССР, но был получен отказ. Позднее памятник был передан Государству Израиль и установлен на мемориальном кладбище в Тель-Авиве, рядом с могилами Бялика, Асад-а-Али.

Р. С. В этом году исполняется 100 лет со дня смерти С.Т. Фрига. Позаботьтесь о его могиле!

А. Рубин, Тель-Авив.

Уважаемый Леонид Рукман! Псылаю фотографии надгробного памятника С.Т. Фригу, установленного на мемориальном кладбище в Тель-Авиве. Если еще не установлена надгробная плита, было бы хорошо надписать на ней сделать, как на оригинале. Если нужно, я пришлю надпись на иврите. Размеры памятника — 80/60/60, я специально сфотографировал с разных ракурсов, в том числе — сзади. Пожалуйста, подтвердите получение.

Добрый вечер! Меня зовут Артур Бакала, 22 года, одессит во втором поколении, аспирант. Скажите, можно ли вступить в Клуб? Если да, то каким образом, и что для этого нужно? Благодарю за ответ!

Дорогой Евгений, как поживаете? Рассчитываю, что все у Вас в пределах относительной нормы (конечно, хотелось бы чего-то абсолютного, но, кажется, так не бывает).

Не подумайте, что забыл прислать Вам дарственный экземпляр Софии Прегель, обязательно это сделаю, когда книга выйдет. Увы, пока я ее еще не сдал в издательство.

Хотел побеспокоить Вас и "спросить вопрос", как говорят мои студенты.

У Прегель есть серия очерков "Моя Одесса", которые я решил включить в книжку. Ряд ее мемуарных свидетельств меня несколько озадачивают. Может, более знающих людей озадачат меньше. Так, например, она пишет, что Багрицкий любил прогуливаться по Дерибасовской со своим котом Циперовичем. Не встречали ли Вы где-нибудь еще упоминания об этом? Простите за темное невежество, если факт общеизвестен. Буду искренне Вам признателен, если наведете на какой-нибудь дополнительный источник. Или подскажите, у кого можно на эту тему проконсультироваться.

Ну и, конечно, простите, если отнимаю время и отвлекаю от Ваших собственных дел.

Искренне Ваш —

Владимир.

Уважаемая Елена Олеговна.

Извините за беспокойство, но я хочу попросить вас передать Леониду Терлицу, что я очень прошу его связаться со мной в то время, когда он находится в Одессе.

Я знаю от общего нашего друга Вити Бокковни (Петербург), что Леня сейчас у вас в гостях.

К сожалению, его номер телефона не работает. И это меня задержало рядом надолго.

Кстати, я тоже одессит, и в Одессе многие меня еще помнят.

С уважением —

Эдвард Розинский.

Леонид, спасибо за услугу. В долг не остаюсь. Вот возьму и приеду в Одессу!

Кстати, я был приглашен Демелем с товарищами приехать на фестиваль клоунов, но в этом году не получилось — много разных проектов выпало на апрель — май.

Знаю, что Зорик Аврутин сейчас у вас также. Привет ему, если пересечется.

Собираюсь издать в Одессе свою книжечку рассказов. Вот тогда будет повод приехать. Может, посоветуете издательство.

Всего хорошего.

Эдвард Розинский.

Уважаемый Леонид. Здравствуй!!!

Подтверждаю получение письма. Немного о себе. Родился и живу в Минске, но навсегда влюбился в Одессу. Мне 29 лет, работаю на таможене (с компьютерами). По образованию преподаватель физики и математики, программист. Люблю творчество. Иногда сочиняю стихи про любимую Одессу (прикрепляю файл). Однажды "В контакте" создала группу "Бандитский мир Одессы-мамы" (<https://vk.com/club3926600>), в которую вступили более 2000 человек. Самое главное. Рада была получить письмо, понравился сайт, и буду рада получать уведомления о мероприятиях. Спасибо большое.

С уважением —

Юлия Симоная.

Уважаемый Леонид Менделевич!

Благодарю за Ваше приглашение!

Уже даже пригласила своих друзей... Большое спасибо за Ваш теплый прием в Клубе!

Передавайте мои самые лучшие пожелания Елене Павловой и Юле.

С уважением и искренней дружбой —

Цина Стаценко.

Какая жалость.

Сколько их, друзей, ушло. Ужас!

Огромное спасибо и привет ей. Хотел бы увидеть фотографии Олега, если Люба может мне их переслать через тебя.

Заранее спасибо.

Леня, я вернусь позавчера, а сейчас организую встречу с Олегом Фришман, который приезжает к нам из Америки.

Буду на связи с тобой на днях. Обнимаю.

Павел здесь Тарн.

Австралия, Сидней.

Уважаемый Леонид, здравствуйте!

Мне давно советовал обратиться к Вам В. Корченков, но мне было как-то неловко беспокоить Вас по сугубо личному вопросу.

Вчера получил письмо от Н. Эксаревой, где она сообщила, что Вы тоже хотели бы познакомиться со мной.

Рад представившейся возможности, т.к. слышал много лестного о Вас еще от папы, от многочисленных общих друзей.

Отправляю статью о жизни и творчестве Т.В. Попыза, которую мы с сыном подгото-

вили к его столетнему юбилею, в надежде, что она Вам понравится и пригодится.

Буду признателен, если Вы сообщите мне свое мнение об этой работе.

С ув. —

Виктор Попыз.

Меня, привет!

...вот, смотрю, лето в разгаре, а в Одессу пока не едет...

По разным причинам. Может быть, в октябре?

Да и самоочувствие, знаешь ли.

На всякий случай спрошу у тебя, появятся ли в осеннем намере порция моих стихотворений, которые я тебе передал?

(По опыту знаю, что лучше об этом спросить заранее.)

...Кстати, я прочел в последнем намере "Дерибасовской..." (№ 65?) очень слабую статью (или эссе) Вадила Чиркова о Дане Шаце — по-моему, совершенно замечательный текст, и я ему об этом сказал...

И тут же вспомнил, что и у меня есть воспоминания о Дане, я передал их в свое время Натане, когда та задумала книгу...

Книга пока не получилась. Если нужно, текст пересмотрю — и пришлю.

Ноль здесь пока великален. Возможно, на несколько дней съезди в Польшу...

Но хочется к морю.

События в Украине (и в мире) не радуют. Но — посмотрим...

Бориско про себя в этот последний год стихи из "Полтавы" — о Мазепе:

Он стар, он удручен годами, войной, заботами, трудами...

Явно про себя (?). Впрочем, трудами — слишком сильно сказано...

Как ты? Как у вас, у тебя?..

Как думаешь, когда (примерно) может появиться книга воспоминаний о Павлове?

Знаю, что печатают.

"Уже нам в лица дует воспоминаний слабый ветерок..." — помнишь у Багрицкого?

...И хочется, откровенно говоря, просто посидеть, и не обязательно в клубе, за чашкой чая (?)... или за рюмкой хорошего золотистого вина... И, никуда не торопясь, поговорить о жизни, о тех, кого мы помним, и знали, и знаем...

О себе тоже. Вообще — увидеть Одессу и людей, и тоже не торопясь...

Пишу сейчас и уже давно текст под условным названием "Попытки биографии", там стихи и проза — при случае покажу фрагменты...

Хочу сделать книжку (или книгу!)... Легко сказать.

Но явно пора.

Что-то меня на лирику потянуло? Ладно! Кланяйся Вале. Конечно же, привет Феликсу...

...и привет от Тани!

Пиши, сообщайся...

...и до связи (а то тут уже футбол!).

Филип Яковлевский.

Привет, вот не любитель принимать участие в конкурсах, а Бабеля люблю. И радоваться люблю! Поэтому радуюсь вслух и делюсь с вами, потому что получилось нечаянно и хорошо!

История короткая и простая: на "Приводе" как-то в прошлом веке я увидела двух женщин — невестку и свекровь, купила у них чашечку. Как Бабель за 25 рублей попросил у женщины посмотреть, что в сумочке лежит, так и я — попросила рассказать печальных женщин, что привело их на "Привод" торговать своими личными симпатичными вещичками.

И написала об этом, а маленький рассказик, по свежим впечатлениям опубликованный в "Вечерней Одессе", отыграл вдруг

— помог женщинам получить в итоге вид на жительство и жилье в Одессе, куда они вернулись из эмиграции, не справившись с ностальгией.

А на конкурс рассказик попал тоже просто. Шла я уже в ХХХ веке по Староконному базару и взгляла на росписи вещей на тротуарах. И вдруг встречаю писательницу Викторию Колтынову, а она и говорит: "Ты в Одессе или в Москве?". Отвечаю: "Послеавтра уже в Москве". «О, — говорит Виктория, — а ты можешь прислать мне что-нибудь о Бабеле? У нас конкурс».

Пришла я на свою Мясоедовскую и, собрав чмодан, в отрыв содралась, отыграла историю о бабелевском любовничестве, су-

мочке и тоске по Одессе — по адресу, сказанному Викториной.

Так что от "Приводе" до Староконного пролегла дорога рассказика "Что в сумочке лежит", и бабелевская эта история принесла лад свекрови и невестке, а мне — радость от моей любви к Бабелю и короткой прозе, рассказик понравился жюри! Так что и Бабелю, свекрови и невестке, и канадско-украинскому международному литературному танцевцу, и жюри Бабелевского конкурса, и застрельнице этого письменного дела Виктории — большое мое писательское спасибо.

Всего доброго.

Ваша Илья.

Что в сумочке лежит

Я купила эту историю за двадцать рублей. Помните: Исаак Бабель бежал за женщиной по улице только для того, чтобы посмотреть, что у нее в сумочке лежит, и готов был отдать двадцать пять рублей? Так это было всего на пять рублей больше...

...Три года назад, переругавшись, как кошка с собакой, свекровь и невестка уезжали из Одессы: одна на Ближний Восток, а другая, что помоложе и посильнее, с мужем еще подальше и лучше. Жили они порознь хорошо, только скучали по Одессе. Очень.

И вот случайно — в Вене — они встретились, молодая и старшая. И тоска объединила их. Сын и муж был человеком с крепкой психикой, он прижился в Новом Свете, и ностальгия его не поразила. А его женщин зацепило крепко. И они объединили усилия — старшая и помоложе — и оказались на одесском «Приводе».

— Вы руками не трогайте, это настоящее, старинное, — раздражалась молодая.

А свекровь была бледна и отчаянно молчалива. И это меня задержало рядом надолго.

Разговорились, познакомились. И я узнала... Что им хорошо вдвоем. Что они любят друг друга и живут душа в душу. Только очень много мороки, потому что вид на жительство есть, а гражданства заставляют ждать. Что перестройка так далеко зашла, что выхода для себя они не видят — не уезжать же назад. Правда, есть куда и к кому. Но птица ностальгия носом шевелит, крыльями хлопает, устрасшая.

Про птицу мне было интересно — каков нос?

— Как у попугая ары, — ответила молодая. — Строгий клюв, строгий и прочный. Как долбанет, так ночи напролет по Дерибасовской да по Французскому бульвару внутри се-

бя булыжники считаешь: один булыжник, два булыжника, девяносто четыре...

Еще было интересно, что дружба их крепла от письма к письму сыну-мужу — они вместе их писали и вместе ответы читали. Тайн у них друг от друга не было. И делить им было некого: тот, кто был далеко, единственно любимый и желанный, объединил обеих и дал счастье и покой. Наконец-то. Что они, враги ему — звать сюда, в это полуторагодичное безумие: документы, покупка квартиры?.. Где и откуда на хлеб-жизнь брать? Они ведь не работают. Тряпочки все их модные американско-израильские — на Староконном, посуда — на «Приводе». Куда ж дорогого оттуда, где ему (Господи, хоть ему-то!) хорошо, вызывать? Пусть остается, пусть живет!

— А вы, вам как же?

— Нам тоже хорошо, — а сами очумело так смотрят, будто из-под руки вдаль... — Нам хорошо, что ему хорошо, и хорошо, что мы в Одессе, мы... — и замялись обе, и глаза винюватыми стали. — Мы, понимаете, советские...

— Боже ж мой, — поразила я, — так ведь нет, нет его больше.

— Нет, — говорит молодая. — Его нет, а мы вот остались. Вернулись. И — есть.

...Я купила у них чашечку. И вспомнила, что Бабель догнал-таки свою женщину с сумочкой и предложил двадцать пять рублей за посмотреть, что в ней лежит. Вот только не помню, показала ли...

Ольга ИЛЬНИЦКАЯ.

Олег ГУБАРЬ

Феномен де Ришелье

К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Никогда не было в Одессе более почитаемой фигуры, нежели дюк де Ришелье — «домашний герцог одесситов», как очень метко назвал его когда-то поэт Юрий Михайлик. Уходили и приходили люди, время ломало памятники, уничтожало погосты и дома, но этот монумент устоял вопреки всему. Хотя был, надо признать, момент, когда судьба «Дюка» висела буквально на волоске. Пламенный борец с «безродными космополитами», тогда директор публичной библиотеки и «краевед», В.А. Загоруйко усердно добивался демонтажа этого символа города.

В чем же заключается феномен личности Ришелье? Почему по большей части безответственная и не чересчур благодарная человеческая память сделала для него исключение? Ответ на этот вопрос прямо и однозначно прозвучал еще в дореволюционной России: «Гуманность и культурность — весьма редкие на высших административных постах империи — как раз и составляли сущность Ришелье как руководителя и человека». Никто не сделал больше для Одессы и одесситов, чем Дюк. Даже М.С. Воронцов, который, несмотря на всю свою масштабность, следовал уже в русле начинаний своего выдающегося предшественника, развивал и дополнял их. Это Ришелье открыл город Европе и миру, чем всё и сказано исчерпывающе.

Пользуясь неограниченными полномочиями, дружеским расположением монарха, значительными бюджетными средствами, Дюк заложил основы инфраструктуры Одессы как крупнейшего пункта транзитной торговли между Востоком и Западом. Это он наладил хлебный экспорт, пригласил и помог обустроиться колонистам-агариам из Германии, Франции, Швейцарии и других стран, превратил Одессу в европейский город, освободил от непомерных налогов, сформулировал идею порто-франко, реализованную уже при его преемнике, Ланжероне. Блудя интересы и государственные, и региональные, Ришелье добился того, что хлебная торговля России и Турции не прекращалась даже тогда, когда они находились в состоянии военных конфликтов! Это он спасал город и край от свирепой чумы; рискуя жизнью, лично посещал зачумленные кварталы и дома, ободряя горожан и поистине делаясь с ними последним куском хлеба. Это Дюк отдал все деньги, заработанные на службе в России, для создания в Одессе наиболее значительного на Юге учебного заведения — лицея, второго в державе после Царскосельского. Это он построил городскую больницу и театр, в котором выступали лучшие в империи оперные труппы. Можно утверждать, что на этой южной окраине России с его подачи возник подлинно европейский портовый город со всеми атрибутами — самоуправлением, биржей, коммерческим судом, карантинном, транспортными морскими конторами, страховыми и банковскими учреждениями, благотворительными, учебными, культурными заведениями и др.

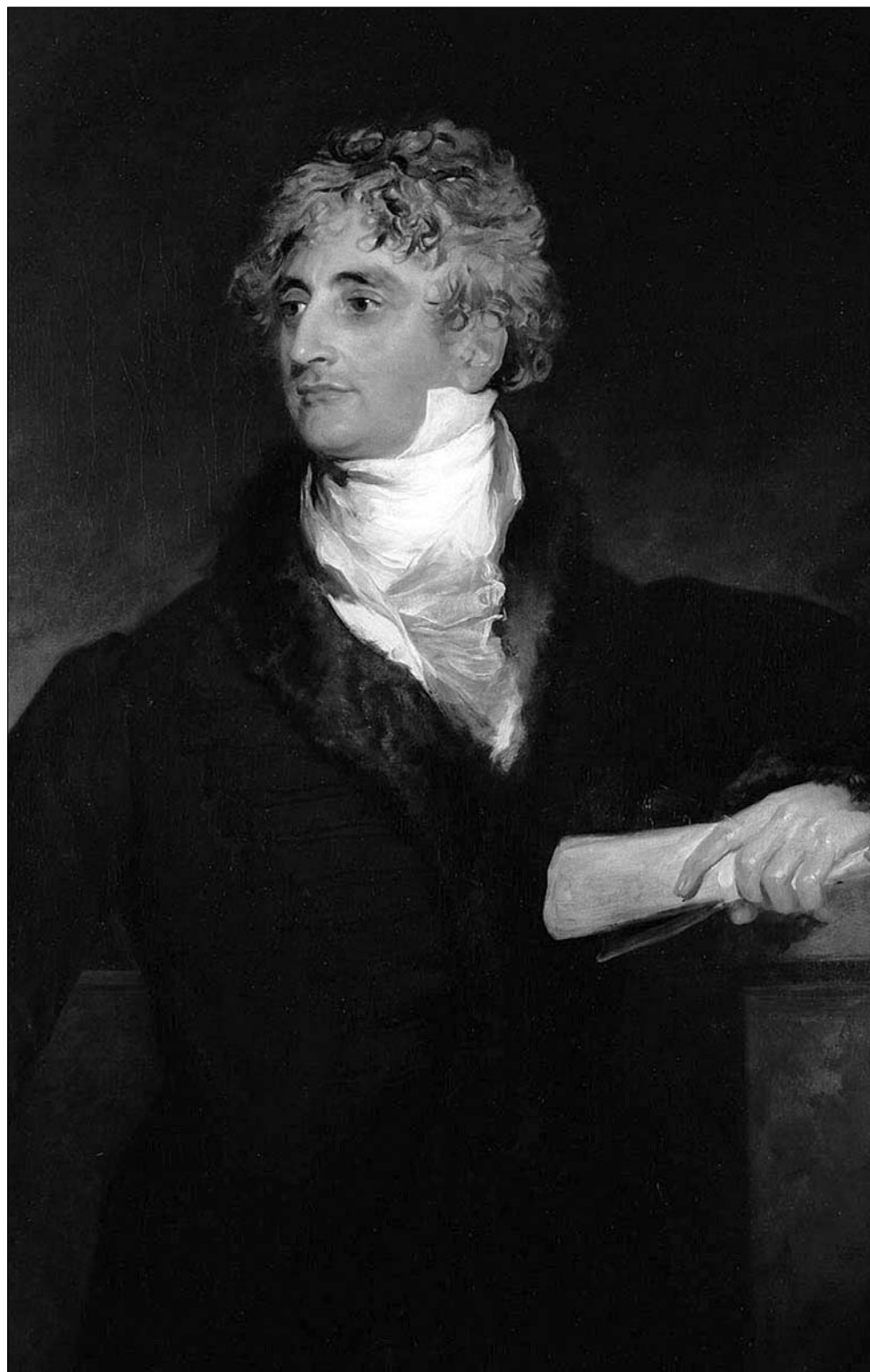
Одиннадцать лет (1803 — 1814) Ришелье прожил в небольших помещениях, на первом этапе «меблированных» табуретами

и топчанами без лакового покрытия, в обстановке, лишенной намека на роскошь. Его рабочий день продолжался чуть не 17 часов. Всё делопроизводство он фактически вел сам, причем ответные документы составлял на тех языках, на каких к нему обращались. Питался Дюк очень скромно, а немногочисленную канцелярию содержал за свой счет. Ежедневно обходя или объезжая город, он вникал во все мельчайшие дела, беседуя с купцами, подрядчиками, военными, медиками, мастеровыми, гостями города, иностранными консулами, простонародьем, посещал все общественные и частные балы. Серьезно обеспокоенный проблемой озеленения Одессы и прилегающих к ней безводных территорий, Ришелье лично выписывал из-за рубежа недешевые саженцы и затем постоянно инспектировал буквально всякое высаженное деревце, строго взыскивая виновных за нерадивость.

Вся изложенная информация обретает иное звучание, если учесть, что Дюк — рафинированный представитель столь же знатного, сколь и древнего аристократического рода, что один из его предков — знаменитый кардинал, всесильный министр Людовика XIII, несколько скомпрометированный, правда, Дюма-отцом в «Трех мушкетерах». По смерти в 1642 году кардинала де Ришелье его фамильный замок на берегах Луары и герцогство перешли к внучатому племяннику, Арману Ришелье, который был пэром Франции, начальником флота и войск, дислоцировавшихся по всему Леванту. Это обстоятельство и породило путаницу с двумя разными Арманами де Ришелье. Во всяком случае, как вы понимаете, нашего Дюка в 1642 году просто еще не существовало физически, поскольку он родился через 124 года, в 1766-м. Какими же родственными узами, в свою очередь, связаны эти два разных Армана?

Всё тут довольно просто. Внучатый племянник кардинала передал все свои регалии и владения сыну, Луи-Франсуа де Ришелье — французскому маршалу, широко известному своими многочисленными альковными похождениями. Этот любвеобильный маршал оставил титул сыну, герцогу Фронсаку, а уж тот — своему наследнику, графу Шинону, нашему одесскому Дюку. Таким образом, герцог Арман-Эммануил дю-Плесси де Ришелье одновременно носил титулы графа Шинона и герцога де-Фронсака. Вот и выходит, что Дюк — прапраправнучатый племянник кардинала Ришелье.

Столь грандиозная и завидная родословная не помешала херсонскому военному губернатору и первому одесскому градоначальнику быть самым, пожалуй, гуманным из всех администраторов, которых знала Одесса. Судя по всему, и Франция не знала лучшего премьер-министра, нежели Ришелье, а именно этот первоначальный пост он занимал после возвращения в Париж. Когда Дюка не стало (1822), император Александр Павлович, искренне считавший Ришелье близким человеком и конфидентом, сказал французскому послу: «Я оплакиваю герцога Ришелье как единст-

Портрет работы Т. Лоуренса из собрания Елизаветы II

венного друга, говорившего мне правду. Он был образцом чести и правдивости». Тогда же во французской академии прозвучали слова: «Он не призывал к добру, но умел его подготавливать и приближать».

Хочу подчеркнуть еще один чрезвычайно значимый в биографии нашего города момент. Если бы Дюк не выбрал невзрачную

и захудалую тогда Одессу в качестве административного центра огромного региона — а ведь он вполне мог остановиться на куда более обустроенных тогда Николаеве, Херсоне или, скажем, на каком-либо из портов Крыма, ее блистательная будущность оказалась бы под большим вопросом...

Юрий МИХАЙЛИК

Новые стихи

Юлию Киму

Жизнь талантлива, поскольку она коротка.
Жизнь назойлива, поскольку прет изо всех дыр.
Жизнь слепа и глуха, ибо самая золотая строка
ничего не изменит в мире и не сможет спасти мир.

Остается гадать и гадать — кто ты и где ты.
А ты просто кот господина Шредингера —
мертв и одновременно жив.
Достоверных ответов нет. Достоверны любые ответы.
Правдив любой приговор, который также и лжив.

Так что сиди-гляди на иссиня мятущийся бред,
который поближе к берегу похож
на равнодушно зеленую боль.
И даже то обстоятельство, что тебя уже как бы нет,
не может служить доказательством, что ты был

то ли смыт волной, то ли занесен песчаной пургой
на другой стороне планеты, на другой стороне,
на совсем другой...

Вот говорят, моржи не переносят лжи,
твердят, что вирус лжи противен их натуре.
Он выживет везде — на суше и в воде,
но не в полярных льдах, не в той температуре...

А нас, увы, друзья, лепили из вранья,
из фальши, из брехни — за тем или за этим,
и в толпах наших лжей, ханжей и сторожей
отсутствия моржей мы просто не заметим.

Но все же иногда в нагроможденьях льда,
где синяя слюда в арктических проливах,
из темной глубины всплывают их стада —
полночные стада красивых и счастливых.

Ты музыку включи — там за бортом в ночи
их круглые глаза блестят в полярном мраке...
И, может быть, друзья, действительно нельзя
и Шуберта любить, и верить в наши враки...

Летний сон. Полночная прохлада.
Мягкий звук — во сне иль наяву?
Ты не бойся — там, во мраке сада,
абрикосы падают в траву.

Это отдаленный ритм прибора
глухо отзывается вдали,
словно предназначен нам с тобою
краткий промельк жизни и любви.

Слабыми полуночными снами
мир и сад качается в стекле.
Ты не бойся — это было с нами.
Может, только с нами на Земле.

Ничего другого мне не надо,
пусть приснятся, если доживу,
сонный сад, июль, во мраке сада
абрикосы падают в траву.

Игорь РОЗОВ

Торговля припортовым...

Из прошлого

С припортовым заводом Одессу многое связывает. В конце семидесятых, когда он стал действующим, к химикам пару раз навещался знаменитый американец Хаммер. И тут родилась первая легенда. Но об этом позже. Особое внимание к Хаммеру было не столько от количества «бабла» на счету этого миллиардера. Партийные и советские «бонзы» млеяли от возможности пообщаться с мужиком, который имел долгую беседу с самим Владимиром Ильичом.

Позже Хаммер утверждал, что беседа продолжалась свыше четырех часов, но достоверно известно лишь то, что он подарил вождем мирового пролетариата бронзовую статуэтку с изображением обезьяны, сидящей на книге Дарвина «Происхождение видов» и рассматривающей человеческий череп. В качестве ответной любезности Хаммер выпросил у Ленина фотографию с дарственной надписью «Арманду Хаммеру от Ильича» и официальную бумагу, предписывающую всем должностным лицам Советской России «оказывать товарищу Хаммеру всяческую помощь и содействие».

Арманд Хаммер, конечно, преувеличивал свою роль в прорыве экономической блокады Советской России, но он действительно был первым западным предпринимателем, получившим частную концессию на добычу асбеста. Кроме того, именно Хаммер организовал поставку в Россию американского зерна в обмен на мех и икру. Но самым большим достижением Хаммера в этот период стало строительство в Москве карандашной фабрики.

Почему-то было принято связывать строительство Одесского припортового с «домашним» бизнесом Арманда Хаммера. На самом деле в последние годы жизни он лишь был

посредником между крупным капиталом США и тем же Советским Союзом. Все-таки мощь легенды о покровительстве самим вождем мирового пролетариата «штатовского» предпринимателя здорово играла на успех в те времена. Впрочем, не стоит забывать корни «лоббиста» припортового: он родился в семье бедных эмигрантов из Одессы.

Завод заработал. В 1979 году был сдан в эксплуатацию аммиакопровод Тольятти — Одесса. Предприятие является конечным пунктом аммиакопровода Тольятти — Горловка — Одесса. Он соединяет с Одесским припортовым такие химкомбинаты как «Тольяттиазот» (РФ) и украинский «Стирол». Не стану перечислять экономические показатели в прошлом и настоящем. Остановлюсь пока на отношении к ОПЗ (Одесский припортовый завод) одеситов. Вся история экологического движения «Южной Пальмиры» строилась на протесте супротив припортового. Чего только не приписывали ему общественники! И рост количества онкологических больных, и загрязненность окружающей среды невидимыми выбросами, и, наконец, тотальной катастрофой, ежели чего-то там бабахнет. Последнее, разумеется, было самым пугающим.

Я помню бесконечные скандалы в коридорах «Вечерней Одессы» между отделом экономики и «штатным» экологом Людью Соколовской в компании авторов «Экологического клуба», который выходил раз в неделю на страницах газеты. Окончилась вся эта дискуссия командировкой упомянутых товарищей в США, которую организовал и оплатил Одесский припортовый. Через месяц пребывания в далекой стране было выяснено, что безопасность хранилищ с аммиаком у нас выше, нежели в «цитадели мирового капитализма». Отдел экономики мысленно аплодировал химикам. Но самое интересное было впереди...

Настоящее...

Одесский припортовый после распада Советского Союза пережил разные ситуации. Были годы подъема — это 2008-й, 2011-й, 2014-й. И годы упадка: 2010-й, 2012-й, 2013-й. Во многом ситуация зависела от цены энергоносителя. Проще говоря, природного газа, поставляемого из России.

В середине девяностых — это в 1996 — 1997 годах — завод пытались купить норвежцы. Были проведены даже переговоры. Норвежская сторона брала на себя обязанность утрясти поставку газа с РФ и обеспечить нормальную работу аммиакопровода. Увы, но дальше переговоров дело не пошло. Предприятие внесли в список стратегических объектов, не попадающих под приватизацию. Как по мне, так Украина тогда потеряла эффективного собственника — это раз. И второе: учитывая нынешние отношения с Москвой, работа зарубежной компании явно выводила ОПЗ из геополитических игр, которые сегодня разрушают экономику страны.

Кстати, предварительная цена тогдашних покупателей устраивала: она колебалась в рамках полутора — двух миллиардов долларов. Говорю так уверенно, ибо получил эту информацию от человека, который был в курсе тогдашних переговоров. Понятно, что она могла и не достичь максимума, но точно не равнялась той, что определили сегодня в Фонде госимущества Украины: 13 миллиардов 175 миллионов гривен, что составляет 550 миллионов долларов США. Между прочим, цену начал сбивать еще раньше Международный валютный фонд (МВФ), полагая, что она должна быть на уровне полумиллиарда долларов. Видать, так оно и будет на очередном аукционе...

Можно много писать о том, что чего сделал для провала приватизации Одесского при-

портового завода. Об ушедшем в небытие Арсении Яценюке. Об устроившем скандал вокруг продажи объекта Михеиле Саакашвили с последующими арестами нескольких руководителей ОПЗ. Об отсутствии всякого здравого смысла у руководителей Фонда госимущества Украины. Все эти суждения напоминают известный французский анекдот о сообразительности на лестнице.

Факт остается фактом. В один и тот же день появилось две информации. Первая: об отсутствии покупателей ОПЗ, следовательно, о провале тендера. И вторая: ОАО «Укртрансгаз» начало процедуру отключения АО «Одесский припортовый завод» от газоснабжения. Если терпеливый покупатель и хотел бы дожидаться повторного аукциона, то после известия об отключении от газа предприятия он точно не захочет рисковать своими деньгами.

Понимаю нежелание действующей власти иметь дело с олигархами украинского «розового». Те «пацаны» работали с Януковичем и не только. К нынешней революции имеют лишь косвенное отношение, хотя, к примеру, Игорь Коломойский — в отличие от Фирташа — в Вене не отсиделился. Строил защиту Днепропетровска и области. Все равно — чужие! Но в сегодняшней ситуации сомнительно, что очередным собственником станет иностранец.

Понимаю. Озвучу сейчас обывательскую точку зрения. Но она от знания реальной жизни. Кто во времена гражданского противостояния и военных действий позволяет себе продавать что-то ценное?! Все же понимают, что покупатель купит вещь ценою в тысячу «баксов» за одну гривну. Кстати, это хорошо уяснил собственник кондитерского гиганта «Рошен». Петр Алексеевич так и не избавился от своего бизнеса. Отдал в управление. Похвальное решение... Процветает.

Евгений ВОЛОКИН

Вокзал, который мы не помним

Перемещение пассажиров на старом Одесском вокзале, к 1884 году отстроенном городским архитектором Александром Осиповичем Бернардацци по проекту питерского коллеги Виктора Александровича Шрётера, четко регламентировалось. Пассажиры третьего класса допускались к поездам через арочный вход со стороны Старосенной площади (иллюстрация 1). Пассажиры первого класса использовали главный вход, устроенный со стороны площади Привокзальной (илл. 2). Члены царствующей фамилии выходили на железнодорожные платформы и покидали их через Императорский павильон — специально возведенный в левом крыле вокзала, со стороны Куликова поля, одноэтажный особняк (илл. 3). По упразднении монархии он перешел на службу народу, в 1936 году был назван «Залом депутатов» и использовался для обслуживания членов правящей не фамилии, но партии.

Пассажиры второго класса на Одесском вокзале также имели свой павильон. Изображений этого длинного двухэтажного здания, разместившегося слева от перрона со стороны Куликова поля (ныне на этом месте — остановки автобусов и будочки по продаже чего угодно), почти не сохранилось. Используя его пассажиры были неинтересны фотографам, а запечатлеть собственно вокзал — как до революции, так и после — было проще с крыши здания судебных установлений (сейчас здесь размещается управление Одесской железной дороги) или с Привокзальной площади: в обоих случаях павильон в объектив не попадал.

Как выглядело это здание в конце своего существования, недавно разгадано. На снимке, пополнявшем коллекцию Интернет-проекта «Старая Одесса», немецкие артиллеристы сфотографированы у пушек (илл. 4). Специалисты по оружию определяют их захваченными во Франции французскими 155-миллиметровыми длинными (L) орудиями системы Шнейдера образца 1917 года. Нам же интересно, что стоят эти пушки возле бывшего павильона пассажиров II класса. И так как войска Вермахта вошли в город лишь в марте 1944 года (до этого оккупацию Одессы осуществляли румынские войска Иона Антонеску), то получается, что этот снимок — последнее изображение старого вокзала, который был взорван немцами при отступлении из Одессы в начале апреля 1944 года.

После освобождения города от оккупантов службы вокзала станции «Одесса-Главная» — именно так официально называется уничтоженный главный вокзал Одессы — размещались в доме № 1 по Судебному переулку (сегодня в этом здании находится корпус Одесского государственного экономического университета). Кассы, справочное бюро, комнаты отдыха пассажиров, комнаты матери и ребенка — все было здесь. Только перрон оставался, где и был. В 1944 году, после разборки взорванных зданий, на месте его главного входа был возведен временный официальный выход на перрон к железнодорожным путям (илл. 5). Об этом сооружении сегодня напоминают не только чудом сохранившиеся фотографии, но и кадры кинохроники: в марте 1945 года оператор В. Ковальчук именно тут заснял прибывшую поездом в Одессу по приглашению советского Красного Креста жену премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля Клементину.

Илл. 1. Вход на вокзал со стороны Старосенной площади

Илл. 2. Главный вход в старый вокзал с Привокзальной площади, 1933 г.

Новый железнодорожный вокзал, такой, каким мы его знаем сейчас, появится в Одессе через семь лет после этого визита. В сентябре 1950 года по проекту архитектора Леонида Максимовича Чуприны началось его строительство. Кроме горожан, принимавших участие в регулярных субботниках, строительством занималось управление ремонтно-восстановительных работ Одесской железной дороги во главе с Эдуардом Иосифовичем Левиным.

В июне 1952 года строительство вокзала было завершено.

Иллюстрации Интернет-проекта «Старая Одесса в фото»: OLD.ODESSA.UA.

Илл. 3. Императорский павильон

Илл. 4. Возле бывшего павильона пассажиров II класса, март, 1944 г.

Илл. 5. Временный вход на перрон с Привокзальной площади

Моя жизненная позиция

На вопросы редактора газеты
Евгения ГОЛУБОВСКОГО
отвечает банкир
Вадим МОРОХОВСКИЙ

— Как, когда, почему пришла мысль стать банкиром?

— На меня очень сильно повлияла трилогия Драйзера и, можно сказать, как-то подтолкнула. Хотя, по правде, в советские годы понимать, что такое финансист, было очень сложно. Но так как это было как раз на переходе: 90 — 91-й годы, — то книги подтолкнули меня стать банкиром. В то время это была не очень престижная работа, все представляли себе больше работу бухгалтеров, чем финансистов и банкиров. Но жизнь повернулась так, что это стало моей любовью на многие годы. И, конечно, показало лишний раз, что полезно читать умные книги. Так можно увидеть свое будущее. Я не разочарован, что стал банкиром, и надеюсь, что те люди, которые со мной работают, не разочарованы, что я их банкир.

— «Восток» — третий банк в Вашей жизни. Какое положение у него в Украине? В Одессе?

— Наверное, правильно говорить о двух банках. То есть у меня два банка: один банк — это банк «Восток», другой банк — «Запад». Впервые я являюсь и одним из основных владельцев, и управляющим. Наверное, сегодня такое сочетание в Украине редкость, потому что мало тех, кто владеет и управляет. Для меня, моей команды и моей семьи это — семейный банк, что также очень редко в Украине. Потому что, в принципе, никто не мыслит долговременно. А это наш проект на очень долгое время, который мы делаем для наших детей. Отличие нашего банка в том, что мы его строим не для продажи, не для какого-то мгновенного заработка, а именно на долгую перспективу, для наших семей — не только моей, но и моих сотрудников. Потому я всегда говорю, что когда приходят дети моих сотрудников к нам работать — это главное подтверждение, что наш план выполняется. Я считаю, что Одесса может сегодня нашим банком гордиться. При ситуации общего развала банковской системы мы — в числе тех немногих банков, которые растут, зарабатывают, помогают экономике Украины, и частному бизнесу, и, конечно, в первую очередь, Одессе, где у нас корни, где мы все свои силы в основном и концентрируем. Это всеукраинский банк, работающий во всех областях и входящий в 25 крупнейших банков Украины.

— А в Одессе?

— Мы в тройке.

— Политика и финансы. Финансы, которые требуют всегда тишины, и политика, которая требует шума, пиара. В какой мере Вам удается, занимаясь финансами, не влезать в политику?

— Политикой вообще не хотим заниматься и не занимаемся. Если что-то и делаем, то потому что считаем, что это нужно: дети, пенсии, АТО. Есть постоянные вещи, в которые, мы считаем, надо вкладывать душу: есть дети, Музей и шахматы, еврейская община. То есть те направления, которыми мы занимаемся постоянно и будем заниматься. И проект, который ведет моя мама. Это в память о папе — Фонд, который занимается детскими больницами. Либо надо заниматься бизнесом, либо политикой. Я занимаюсь бизнесом, а политикой категорически не хочу заниматься и не буду. У меня нет даже мысли этим заниматься.

— Вы были одно время депутатом Одесского горсовета. Это научило?

— Да это было давно, наверное, больше десяти лет назад. Опыт научил: нельзя сидеть на двух стульях. Поэтому либо надо заниматься политикой — и заниматься этим серьезно, либо надо заниматься бизнесом. Я политикой не хочу заниматься. Мне постоянно предлагают быть депутатом горсовета, облсовета. Но меня это не волнует. Мало того, я понял находясь там: я намного больше могу помочь нашему Городу, который я очень люблю, в котором живут столько поколений моей семьи, не будучи депутатом, чем будучи депутатом.

— По сути, Вы подсказали следующий вопрос — об укорененности Вашей семьи в Одессе.

— Моя семья корнями со всех сторон в Одессе. Одесская есть и будет. Этот город значит для меня многое. Поэтому не зря Музей современного искусства Одессы — не Украины, а именно Одессы. Я могу гордо говорить, например: платную поликлинику один из моих прадедов основал. Одесскую конди-

терскую фабрику после войны восстанавливал мой дед. И клуб «Одессика» в Доме ученых: мой дедушка был одним из его основателей. Много кого было в моей семье... Мореховских, Листицких, Канторов, Верниковых. Дедушка был вынужден уехать учиться в Геттербург, в медицинский университет, так как не мог в царское время здесь получить медицинское образование. Но потом он приехал сюда и работал здесь, в Одессе. То есть, в конце концов, мы всегда были связаны — это мой город. Например, мы сейчас много занимаемся поддержкой «Евровидения» в Одессе. Другое дело, что я это не афиширую, многие и не знают, что это я делаю. Так как считаю, что главное — результат.

— Мы разговариваем в день, когда новое известие ужасно меня огорчило: сегодня упал Массонский дом.

— Массонский дом... 12 лет тому назад я хотел его выкупить и сделать там музей или интеллектуальный клуб «Что? Где? Когда?». Были разные мысли. Но так, как его собирались продавать... Я считал, что это нечестное предложение. Сегодня он развалился. Дождались. Я надеюсь, что нынешний владелец его восстановит. Конечно, это один из случаев исчезновения того, что было у наших предков, к сожалению. Это грустная страница. Мы видим не только это. Город, на мой взгляд, сегодня в непростом состоянии, и это грустно. С другой стороны, очень много чего построено в этом городе за счет нашего финансирования — как в «Востоке», так и в «Пивденном». Я считаю, что это, в том числе, и мой вклад в этот Город: и больницы, и школы, и новые терминалы, и супермаркеты, и торговые центры. Но это мало. В принципе, миллионный город должен обладать и другой инфраструктурой, и другим количеством общественных зданий. Конечно, печально, что за последние 25 лет особо ничего именно некоммерческого не появилось в нашем Городе. Появились Израильский культурный центр, Болгарский культурный центр, но это было связано с поддержкой национальных общин. Может быть, я вот сейчас вспоминаю, Театр на Чайной, ну и, конечно, Музей современного искусства Одессы. Я считаю, что это был знак, такой маяк для моих коллег-бизнесменов — что-то надо делать. Я очень надеюсь, что они его увидят, заметят и поймут, что нужны действия!

— Покупка коллекции Кнобеля — это был акт, жест коллекционера, или это было уже вложение денег в будущий музей?

— Это была, в принципе, эмоциональная покупка. Невозможно сегодня сказать, что она была выгодна, если говорить чисто экономически. Особенно учитывая то, что сегодня происходит с искусством, с ценами на произведения искусства. Но это приобретение сделало главное: создало базу для будущего Музея. И сегодня для меня, в моей личной истории, я думаю, что, может быть, когда-то в будущем и для истории нашего Города, это был очень важный момент. Потому что Одесса всегда славилась своими коллекционерами. Как у нас были знаменитые ученые, так нельзя забывать, что у нас была блестящая плеяда коллекционеров: до 17-го года — Руссов, Брайкевич, на нашей памяти — коллекция Блещунова, коллекция Луцкика, который собирал документы, создавал уникальную картотеку. Можно называть многие имена. Я думаю, что они как в советские годы, так и в годы независимости Украины выделялись не только в Одессе, эти люди, которые создавали действительно очень ценное для истории и культуры. Музей современного искусства, или просто Музей, на мой взгляд, это действительно следующий шаг. Мы это не держим у себя дома, а Музей становится общественным местом. И я об этом говорю и считаю, что в Одессе общественных мест, в которых нуждается наш город, очень мало. Но ни у кого не появилась идея выкупить какой-то участок и построить не какой-то гигантский дом, а сделать новый парк или сквер, хотя многие могут себе это позволить. Не появилось ничего нового. У нас идет борьба — сохранить старое! Хотя, на самом деле, сочетание возможно. Мы видим это у наших коллег в Европе, где появляются новые скверы, появляется новая инфраструктура, новые театры, новые библиотеки, электронные библиотеки, появляются новые памятники. У нас, к сожалению, все очень старое. И это сегодня видит молодёжь. И, собственно, поэтому, если раньше произошла утечка мозгов — математиков, физиков, и т. д., то сегодня это касается талантливых художников, музыкантов. Мы теряем определённый уровень, мы, к сожалению, теряем и будущее. Хотя приятно, когда у нас проводятся встречи скрипачей, музыкантов, которые блестяще организовал Игорь Покровский. Но это всё ушедшие, уехавшие из нашего Города таланты, которые ушли в разные точки мира. Это очень важно, что они при-

езжают, но надо думать о том, что кто-то же должен тут остаться.

Я помню, когда говорили, что ни один хороший банкир, экономист в Одессе не останется. Если кто-то появляется, то сразу уезжает — либо за границу, либо в Киев или Москву. За эти 20 с лишним лет мы показали, что если нормально относиться к людям, они не уезжают. Я считаю, что та команда, которая сегодня в банке «Восток», она на уровне самого крупного украинского банка или восточноевропейского. Поэтому можно, если умно и уважительно подходить к своей команде, оставлять достойные умы здесь.

В частности, это показывают ИТ-компании. В Одессе остаются умные ребята, главное — их не растерять.

— Каким Вы видели Музей современного искусства Одессы, какая идея была первоначально заложена?

— Идея была, чтобы было своё помещение, чтобы был обязательно какой-то вокруг парк, чтобы была школа для детей, чтобы были постоянные премии молодым художникам. Чтоб были какие-то системы, связанные с наукой, чтоб это был действительно живой организм, который живет длительное время.

Это на первом этапе. Часть из этого уже выполнена, т. е. сегодня есть собственное помещение, хорошее, в центре города, есть постоянно пополняющаяся коллекция, некоторые вещи мы еще не выполнили, что-то появилось, что я не планировал. Но главное, что не поменялось: понимание, что это долговременная вещь. Сегодня Музей — это не проект, который должен приносить прибыль. Это живой организм, который сегодня существует. Команда, которая во главе с Семёном Борисовичем строит и развивает его, что-то делает правильно, что-то делает неправильно, мне что-то нравится, что-то не нравится, но это лично моё мнение, я его могу высказать, но не считаю, что на этот вопрос могу как-то влиять. Потому что есть вещи, от которых нужно дистанцироваться. Вот я не могу влиять на Фонд, которым руководит мама моя в память о папе, потому что они выбирают, в какой больнице ставить оборудование, какую больницу реконструировать, какое оборудование покупать, какие лекарства покупать, кому давать, т. е. моё дело — организовывать финансирование, давать деньги. То же самое и с Музеем. Я не считаю себя вправе кроме помощи диктовать свое видение развития Музея. Есть люди, которые в этом разбираются, есть и, наверное, должен быть, частично сегодня он работает, какой-то Попечительский, рекомендательный совет, есть общие тенденции развития искусства в городе Одесса. Они мне могут совсем не нравиться, я могу в этом ничего не понимать, но это сегодняшняя жизнь. Если есть художники, которые сегодня так рисуют, так пишут, нравятся мне или нет, они должны быть в Музее. Если бы это была моя личная коллекция, то я бы выбирал по принципу «нравится — не нравится», если мы строим Музей, в нём должно быть представлено то, что есть сегодня и что было в Одессе. И чтобы лучшие произведения не покидали наш город.

— Я воспринимаю Музей современного искусства — как оселок свободомыслия, потому что там, где есть музеи современного искусства, уже как-то иначе относятся к понятию «свобода».

— Да, поэтому я и не считаю возможным вмешиваться, что-то диктовать, рекомендовать. Могу просто высказать своё мнение, потому что мы видим всевозможные перформансы, которые меня пугают. Например, в Нью-Йорке можно было подойти к женщине и делать, с ней, что хочешь, на камеру, все будут глазеть, может быть, радоваться. Мне это, конечно, не нравится. Так вот, эта женщина — художник, она так видит, вот она хотела так, а кто-то что-то видит другое. У нас нет права лишать ее свободы творческого высказывания.

Следующие соображения: важно напоминать Одессе и не только одесситам об истории и значимости южнорусской школы, но так же нужно помнить и об истории советского и постсоветского периода. Поэтому не зря я очень много приложил усилий, чтоб мы увидели коллекцию Якова Перемея. Возможно, знающие люди скажут, что есть еще коллекции, которые было бы очень полезно найти, сохранить либо увидеть нашему городу.

Третье — то, чего в Одессе вообще нет, это отборные произведения искусства известных авторов, художников, которые есть в разных музеях. Вы знаете, существует обмен между музеями. Одесса в этом вопросе очень далеко отброшена: ни одной серьезной коллекции или даже картины за последние десятилетия в Одессу никто не привез. Мало того, Одесса не входит ни в один страховой лист музейный, которые работают по

обмену. По-моему, и Киев там на самом последнем месте. Вот одна из вещей, которые я планирую сделать в будущем. Я хочу, чтоб сюда привозились коллекции из других музеев и одесситы, для того, чтоб увидеть интересное, не должны были ехать во Флоренцию, в Уффици, ехать в Вену, в Альбертино, а прийти в наш Музей и увидеть то, чем гордится мировая культура. Я пробовал, одним из первых, когда просил у одного из известных коллекционеров Пикассо одну работу; Шагал был, Кандинский был; но это всё было очень давно, очень точно и основывалось больше на личных связях, а не на сотрудничестве с музеем. Поэтому я вижу в будущем сотрудничество Музея с первоклассными музеями, которые не боятся привозить сюда первоклассные работы. Этот вопрос сильно отодвинула ситуация с АТО, потому что сейчас Украину оценивают, к сожалению, как «очень опасно». Но я об этом думаю, по крайней мере, такой план у меня есть.

— Наверное, последний вопрос, насколько общий. Ваше отношение к меценатству, возможностью меценатства? Не слишком ли у нас всё перебарщивают на меценатов? Или, наоборот, они мало делают?

— Слово «меценат» — оно пошло из Древнего Рима. Сейчас уже далеко не Древний Рим. Сейчас, когда у человека есть возможность потратить деньги — дальше это его личная жизнь, его, если хотите, душа. То есть один хочет прийти в хороший ресторан и заказать 20 бутылок шампанского, другой хочет дать премию прекрасному пианисту или шахматисту или направить деньги на новый театр или музей. У нас бизнес, к сожалению, очень далёк от того, чтобы было добровольное желание свои деньги на что-то тратить.

Это вопрос образованности, культуры. Далеко не всегда лучшие люди вырывались в бизнесмены. В других странах это вещь, которая обязательна. Если ты встал на определённый уровень состоятельности, ты просто обязан это делать. Если ты это не делаешь, то на тебя очень странно смотрят. А у нас наоборот. У нас очень странно смотрят, если ты это делаешь. И поэтому моя была задача — показать в Одессе, что это надо делать. Эта вещь — меценатство, благотворительность, эта вещь не для галочки, это — жизненная позиция. Нельзя какие-то добрые дела сегодня делать, а потом три года не делать, потом что-то сделать — пошел что-то заварил по каким-то причинам. Это деятельность, которая требует последовательности, непрерывности. Делись, и тебе Б-г больше даст. И должна быть систематизированность. У нас одна из проблем — отсутствие системности. Очень плохо, когда всё делается рывками. Должна быть у каждого... я не в праве диктовать, но, мне кажется, у каждого должна быть системность. Вот у меня системность направлена на несколько вещей. В первую очередь это, конечно, вещи, связанные с нашим городом, это благотворительный фонд в память о папе «Милосердие Виктор». Это семейный вопрос всей нашей семьи. Второй семейный вопрос — это Музей современного искусства, который более виден, более значим, я его называю маяком. Это маяк для бизнеса, что нужно сегодня делать вещи долговременные. Для того чтоб не просто говорить: «Я люблю свой город. Я под выборы построил детскую площадку и забыл о ней, и она развалилась». Пусть кто-то хочет сделать Музей, кто-то может сделать театр. У меня есть мои друзья, которые помогают. Андрей Ставицер много делает, Виталик Томчик музей Блещунова поддерживает. Я рад, что это делают Женья Деменок и другие. Есть много бизнесменов, которые это делают. С другой стороны, слово «много» в процентном отношении — это всего не более 5%. Музей современного искусства — это значимая вещь для всего Города как показатель того, что можно сделать, начиная с нуля. И вы обратите внимание, сколько прошло лет, очень маленький период времени. То есть можно сегодня при желании создать не одно новое культурное пространство в нашем Городе.

Начинается определённое движение. Вот уже сделал шаги Юра Шпирт. Вот уже Таня Бурда. Я считаю, глядя на это, что благотворительность начинает развиваться. Я многих не назвал. Это сегодня даже становится какой-то модой. Чем больше будет поддерживаться искусство в Одессе, чем больше будет меценатства и благотворительности, тем мне будет приятнее и будет приятнее нашему Городу. Потому что в нашем Городе было очень много хорошего, но почему-то очень многие хорошие вещи умирают, а наше дело — это воссоздать и развивать.

Поэтому продолжайте, коллеги, вместе со мной. Давайте развивать наш Город, здесь живут наши дети. Нам не должно быть стыдно, мы должны продолжать, чтобы гордиться нашим Городом, развивать и сохранять Одессу!

Вадим ПЕРЕЛЬМУТЕР

Апология интеллигенции

Кремнистый путь из старой песни...
О. Мандельштам.

Когда не знают, что делать, ищут, кто виноват. Согласно давней российской традиции, поиск этот обычно недолог — и результат его предопределен. Поскольку народ есть нечто абсолютное, совокупность и средоточие разнообразных достоинств и множества добродетелей, стало быть — по определению — отягощен грехами он быть не может. Потому во всех его бедах повинны обстоятельства внешние и силы посторонние, среди которых главенствующая роль, если суммировать высказывания — от классической литературы до трамвайных перебранок, несомненно, принадлежит интеллигенции. При этом самые яркие и убедительные речи по сему адресу произносятся, так сказать, типичными представителями этой самой интеллигенции, по репутации — отнюдь не из последних.

По видимости — явка с повинной. По существу — доносительство на коллег своих и товарищей. И попытка отмежеваться от них. Порождение неправового сознания, где прокурор и адвокат, конечно, равны, но первый все-таки «равнее»...

Тут все смешалось: парадоксы, недоразумения, благие намерения, небескорыстные умыслы. Как говаривал интеллигент Гамлет: «Слова, слова, слова»...

Сперва — о парадоксах. Наиболее любопытный из которых происходит, на мой взгляд, из въевшегося в подсознание догматического марксизма, одного из фундаментальных его законов — о переходе количества в качество. Дескать, если каждого — по отдельности — рабочего, крестьянина или служащего разглядывать, то недостатков и слабостей обнаружим сколько угодно, а когда вместе их всех соберешь, получается единство великое и сплошь положительное, безупречное, ничего светлей и прекрасней вообразить невозможно. Куда что девается, откуда что берется — тайна сия велика. Народ, одним словом.

С интеллигенцией дело обстоит как раз наоборот. Взять по одному: тот — ученый с мировым именем; этот — музыкант, чьих концертов нетерпеливо ждут в десятках городов планеты; уникальный врач, для кого милосердие — будничное, из года в год, занятие; пересчисление можно длить, ограничусь наброском «вершинным», чтобы мысль прояснить; да и на быденном уровне, соседском, что ли, сочувственные слова находятся, вроде как у Галича: «Хоть и лысый, и еврей, но хороший...» Ну а собирательное имя сопровождается, как правило, эпитетами — один другого уничижительней, и вовсе без эпитетов окрашено интонационно не очень-то привлекательно. И выходит, что образование, культура, напряженность внутренней жизни — путь не вверх, но вниз...

Сила есть — ума не надо. Парадокс народной мудрости. «Сильный» — всегда похвала, «умный» — чаще наоборот. Большинство сильнее, но не умнее. Пропорция тут обратная. Что большинство всегда право — можно решить большинством голосов. Но не доказать, не подтвердить примерами. Противоположных — сколько угодно. Все они сводятся к сакраментальному: нет пророка в своем отечестве. Добавлю — и во времени своем. Единственное число здесь не случайно, язык — инструмент точный. Минимум меньшинства. Дальше — нуль, близнец-брат дурной бесконечности.

Писатели знают, что два слова, употребленные вместо ненайденного единственного, вдвое слабее. Четыре — вчетверо.

Однако ощущение единственности своей подчас неуютно. Потому под соблазн «приобщиться», если не почувствовать, то хотя бы провозгласить себя частицей — непременно великого! — целого подпадали, случалось, и умные люди. Акутагава писал, что Шекспир смертен, но создавший его народ сотворит нового, еще и еще. Попытки, конечно, были — ни одной убедительной, не говорю — соизмеримой: Розенкранц вместо Гамлета, в лучшем случае — Лаэрт... Хотя, понятно, четыре без малого века для народа — невелик срок. Но покуда нет иных свидетельств, приходится признать: Шекспир, Данте, Сервантес, Гете, Пушкин — невоспроизводимы.

Нedorазумение, впрочем, оказалось живучим.

Услышал как-то по случаю интервью известного, верней сказать — набирающего известность дирижера. Про то, чего стоило собрать талантливых людей, удержать их вместе, как непросто возникла ансамбль, опять же, конечно, о деньгах, которых нет... Рельсы накатанные, а перестук колес от собственных мыслей мало отвлекает. И вдруг — вопрос: а как, мол, вы относитесь к тому, что, говорят, люди наиболее одаренные уезжают из страны, не грозит ли это упадком, кризисом культуры? И тут же, без паузы, ответ: спокойно отношусь, ведь народ неисчерпаем. И всё. И дальше поехали, весьма довольные друг другом. Доброго пути...

Антитеза: народ и интеллигенция — из той же серии.

В искусстве есть закон достоверности образа: на яблоне могут вырасти золотые яблоки, но не груши, пусть даже обыкновенные, зеленые, оскоминно-терпкие. А нас, похоже, хотят убедить, будто на яблоне народа выросли груши интеллигенции.

Между тем еще Вяземский, то есть полтора века назад, дивился, что, говоря о народе, обыкновенно подразумевают «простонародье», что культурное и мыслящее мень-

шинство, без которого никакой благой замысел не довести до благого завершения, принято причислять чуть ли не к заезжим иностранцам... Но что Минин без Пожарского? Собирает толпы, способной разве что на «бунт бессмысленный и беспощадный»...

Конечно, дыма без огня не бывает. Но хорошо бы помнить о взаимосвязи: чем хуже горит, тем дымнее.

Интеллигенция не только дает повод к упрекам, но и сама же те упреки исчерпывающе и красноречиво формулирует. Что вполне естественно: рефлексия — ее родовой признак. Рефлексирующий интеллигент — тавтология, не рефлексирующий — нонсенс. К тому же чем эффективнее формулировка, тем легче входит она в обиход, «простой, как мычание». Вылетит, к примеру, слово-не-воробей «образованщина», глядишь, тут же и поймали его на лету, используют на каждом углу, причем люди вовсе необразованные, очень им оно для самоутверждения годится.

Забавно при этом, что местоимение используется — третьего лица множественного числа. Не Я — ОНИ.

...Будучи как-то во Франции, нагледевшись на французов и наслушавшись их характеристик-коллекстей касательно англичан, внезапно понял, что столкнулся с удивительной формой самозащиты: француз создал отрицательно-собирательный образ француза и назвал его... англичанином.

Знания парализуют волю. Потому что обрастают мысль на последствия всякого действия — и на ответственность за них. Антоним ответственности — круговая порука (или, если угодно, «коллективная ответственность»). Стыдно — когда не стыдно. Если стыдно — не стыдно. Поиск «золотой середины» за последние две тысячи лет ощутимых результатов не принес.

Опять же Вяземский, очень умный был человек, полагал назначением своим не действие, но ощущение и размышление, сравнивая себя с термометром, который не может ни нагреть, ни освежить комнаты, но верно и вовремя указывает необходимость нагрева либо охлаждения. Включить калорифер либо окно открыть, пожалуй, попроще будет...

Но всего истовее интеллигенцию судят за обманутые ожидания. Нимало не трудясь задуматься над тем, что ожидаемого от нее она и не обещала, и не могла обещать. Так в зачумленных средневековых городах убивали главных, по мнению большинства, виновников болезни — врачей.

Пример посвежее. В двадцатых годах выкинули из страны философов, экономистов, историков, писателей, а немногих оставшихся, к «культурно-идеологическому

сервису» режима приспособиться не умеющих, по тюрьмам и лагерям распылили. Вместо них рекрутировали докторов, которые ни диагностировать, ни лечить не могли, разве лишь восхищались несокрушимым здоровьем пациента. Вследствие чего «жить стало лучше, жить стало веселей». Повеселились, надо сказать, на славу — до сих пор в себя прийти не можем, ни одно лекарство от головной этой боли не помогает. А шарманка всё крутится, старый мотивчик твердит, заело...

И вот что характерно. В пору относительной общественной стабильности, которая только относительной и бывает, антагонизм этот не то чтобы затухает, но существует, я бы сказал, в вялотекущей форме. И резко обостряется в так называемые переходные эпохи. Ну, как теперь.

«Но со времен царя Гороха непереходных нет эпох». Все тот же Вяземский...

В такой ситуации по-человечески понятны попытки интеллигенции «разынтеллигентиться», то бишь объединиться, общую платформу, пусть даже политическую, создать, памятуя, что «если в партию сгруппировались малые» etc. Невелика мудрость — предсказать, что ничего путного не выйдет. Хотя бы потому, что интеллигент принципиально беспартиен — из этой его отдельности и происходит пресловутая и неодолимая уязвимость. Вступление в какую бы то ни было партию (и создание собственной) — не что иное, как выход из интеллигенции. Отсюда, кстати, вовсе не следует, будто выход из партии автоматически означает «возвращение» интеллигентного блудного сына: такие выходы легко узнаваемы — по «партийной тоске» в очах и речах.

Вдуматься: альтернатива безнадежна. При «хождении во власть» — виноват в последствиях. Оставаясь дома — в неучастии.

Но, пожалуй, это всё же лучше, чем стать разменной монетой власти...

Интеллигент оппозиционен к любой власти не потому, что сам к ней рвется, но потому, что видит — «как не надо». В отличие от вождей, твердо знающих — «как надо», тем и опасных: ничего разрушительнее, чем идея, овладевшая массами, человечество покамест не изобрело. А неинтеллигентность любого — на выбор — вождя органична, то есть неувидительна.

Это, в сущности, и есть его «харизматичность».

Большинство, коли очень повезет, может даже стать «думающим». Но «мыслящим» — только меньшинство. Внешнее сходство этих понятий очевидно, внутреннее различие огромно. Думают о причинах и следствиях. Мыслят о сути.

Евгений ДЕМЕНКО

ЛЕФКАРА

— Если у вас сейчас нет наличных, вы можете заплатить в следующий раз. Я вам доверяю, — сказала Мария, хозяйка большого кафе на окраине Лефкары, глядя на кредитную карточку в руках Миши, моего израильского друга.

К Марии мы попали случайно — наше любимое кафе "Tasties", в котором я как-то отравился осьминогом, вымоченным в вине, оказалось закрыто.

— Сегодня проблемы со связью — не получается провести кредитные карты, — продолжила Мария. — Но я вам доверяю — у меня в Израиле много друзей, и все они хорошие люди. Несколько пар живут на Кипре постоянно и по выходным приезжают ко мне обедать. Так что заплатите в следующий раз — это не проблема.

Нам нужно ехать в аэропорт. Даже не ехать, а мчаться.

Мы с сожалением оглядываем стол, от края до края уставленный тарелками, большинство из которых опустошить не удалось — мы заказали мезе.

Третий день наши израильские друзья Миша и Ира не перестают удивляться. Началось всё в Пафосе, когда я заболтался, проехал под «кирич» и выехал на встречу. Дорога узкая, и мы едва разъехались с машинами, едущими в правильном направлении. Каждый из водителей встречных машин открывал окно и объяснял мне, улыбаясь, что я еду не туда.

Не совсем верно. Немного нарушил. Не страшно, конечно, всё равно разъедемся. С кем не бывает.

— Это что-то! — воскликнула Ира. — Никто из них не кричит, не ругается, не показывает неприличные жесты. У нас бы тебя уже обрубили с ног до головы. Это что-то!

— Ира, не позорь Израиль, — ответил ей Миша. — У нас тоже встречаются доброжелательные люди.

После двух сумасшедших дней, за которые мы успели объехать половину острова, друзья улетают. Но мы не хотим терять время. Каждую свободную минуту нужно использовать. Поэтому по дороге в аэропорт — Лефкара.

Лефкара — это «восклицательный знак» перед отъездом. Мы решили сразить друзей окончательно. Ещё бы — сам Леонардо да Винчи остался под впечатлением.

Пока мы пробирались по узким улочкам, они, не переставая, восхищались и снимали всё вокруг на свои смартфоны. Яркие-синие стены домов, распахнутые настежь двери, через которые можно рассмотреть многочисленные фотографии родственников на столиках в гостиницах — неперенный атрибут кипрских домов. Ажурные балконы, резные разноцветные двери, лавочки с обязательными кружевами и серебром. И, конечно же, церковь Тимии Ставра, Святого креста, возведенную в типичном для Кипра франко-византийском стиле.

Именно у неё мы и оставили машину, именно у неё и увидели вывеску "Таверна "У Марии".

— Вам нужно сейчас спуститься, затем резко повернуть налево вверх и около полиции, на выезде из деревни, снова повернуть налево, — сказала выходящая кружева пожилая женщина, увидев, что мы разглядываем вывеску. — Через триста метров на холме вы увидите таверну.

— Там вкусно? — спросил Миша.

— Очень, — ответила женщина, не прекращая вышивку.

И вот мы здесь. Таверна "У Марии" оказалась вышкой на торте. Точкой в восклицательном знаке.

Мы всё-таки нашли наличные, и Мария ушла за сдачей.

— Обычно киприоты рассказывают тебе за пять минут всю свою жизнь, — говорю я. — Мы как-то ехали из Полиса в Пафос и остановились у фургончика выпить фрэппе. Хозяин, мужчина лет шестидесяти, сел с нами за стол — знаете, такой дешёвый пластиковый белый стол с такими же стульями, и рассказал о том, что почти всю свою жизнь он прожил в Южной Африке, о том, что специально прилетел оттуда в родную деревню, чтобы украсть свою несовершеннолетнюю невесту, будущую жену, потому что родители её не давали согласия на их брак, и они убежали в горы, а на третий день родители сдались; он увёз её в Йоханнесбург, через тридцать лет они вернулись домой — всё же родина есть родина; они живут вместе до сих пор, правда, в разных домах — он в доме родителей в деревне, она в Лимассоле, поближе к детям, встречаются на выходные, это понятно — за столько лет устали друг от друга; месяц назад он попал в аварию и пересмыслил после этого всю свою прошлую и — в основном — будущую жизнь.

К тому моменту, когда мы допили фрэппе, мы знали об Андреасе всё. Я даже запомнил его имя.

Мария принесла сдачу.

— Видите машину внизу? Это моя дочь, она едет из Ларнаки, с собеседования — пробует устроиться в аэропорт, работать на регистрации. Я очень волнуюсь, ведь ей уже двадцать четыре, и она до сих пор не может найти себе хорошую работу.

— А кто она по профессии? — спросил Миша.

— Учитель младших классов. Но вы же знаете, как долго приходится ждать свою работу в школе — все места заняты. У моего мужа есть такси, и дочь иногда помогает ему, но что это за работа — раз в два-три дня отвезти кого-то в аэропорт. Да и не очень безопасно для молодой девушки. У сына тоже нет работы, зато он недавно женился, они живут с нами, и моя невестка очень меня любит. Я уже жду не дождусь, когда стану бабушкой.

— У вас невероятно вкусная еда, — сказал Миша.

— Это потому, что я готовлю её от всего сердца, — улыбнулась Мария. — Тогда раба!

Мы заторопились к машине. Сесть в неё сразу было невозможно — жарко. Мы открыли двери, чтобы проветрить салон. Внизу лежали черепичные крыши Лефкары, а за ними, до самого моря — едва покрытые зелёной живописные холмы.

— Когда на обед у тебя мезе, легко опоздать в аэропорт, — сказал я.

— Это что-то, — сказала Ира. — За пять минут — всю свою жизнь. Это что-то.

— Да ладно. У нас тоже так бывает, — сказал Миша.

— У нас дома — никогда, — сказал я и нажал педаль газа. Плавно набирая скорость, мы поехали по серпантину к виднеющейся вдали автостраде.

Илья РЕЙДЕРМАН

Феномен Одессы

ИМПРОВИЗАЦИИ НА ЗАДАННЫЕ ТЕМЫ

Публикуемый ниже текст нуждается в некотором пояснении и обозначении контекста его создания. На философском факультете Одесского национального университета имени И.И. Мечникова я вот уже несколько лет читаю курс «Основы теоретической биографистики», в рамках которого студенты на практике овладевают методикой биографического интервью, осваивают очень популярный в современном гуманитарном знании жанр устной истории (oral history). В этом году общей темой стала духовная и интеллектуальная атмосфера Одессы 60 — 80-х годов в воспоминаниях. Герой публикации, которую представили студенты-магистры пятого курса Оксана Зобенко и Александр Шрагин-Кац, — известный одесский поэт, философ, культуролог, музыкальный критик Илья Рейдерман, который стал для них, по их собственному выражению, «экзистенциальным первоисточником мировоззрения и мироощущения» той эпохи. Как и положено в рамках учебного курса, трехчасовое интервью было самым подробнейшим образом транскрибировано, расшифровано, с полным сохранением авторской интонации, всех нюансов и оттенков устной речи. Для настоящей публикации выбраны лишь некоторые фрагменты живого, почти непричесанного разговора, передающие неповторимый аромат времени, дух города такими, какими они отразились в творческом мироощущении поэта.

Инна Голубович,
доктор философских наук,
профессор философского факультета Одесского национального университета имени И.И. Мечникова.

...Вот сразу же, наверное, как только я приехал в Одессу, я стал ходить в филармонию. Я стал пописывать, да, я же журналист. Я прихожу в газеты. Я думаю: может, на меня какой-то спрос будет. Была такая газета — «Знамя коммунизма», это была центральная газета обкома партии. Я прихожу, там сидит заведующий отделом культуры, я представляюсь, говорю, что работал в отделе культуры «Вечернего Кишинева». «Вам рецензии не нужны?» В ответ: «Нэ трэба». Один раз я услышал «нэ трэба», второй раз я услышал «нэ трэба», а где же я «трэба»? А «трэба» я услышал только в одном месте — это газета под названием «Комсомольская искра». И там меня переводят на украинский язык. Я печатался за мизерные, совершенно символические гонорары. Но хотя бы печатают, хотя бы есть возможность высказываться. Я услышал Людмилу Гинзбург, я с ней дружил. Слава Богу, получилось, что я был знаком со всеми выдающимися более-менее людьми, которые здесь были. И, по крайней мере, из музыкантов самой выдающейся была, конечно, Людмила Гинзбург. Она дружила с Рихтером, она у Нейгауза училась, как и Рихтер. А Нейгауз для меня — это святое, действительно великий человек, великий учитель — Генрих Густавович Нейгауз. Я, кстати, музыкальный критик без музыкального образования, вот ведь какая странная вещь — я мог быть музыкантом. Мама рассказывала, что она меня водила в 3,5 или 4 года к профессору, это было до войны, позже просто было невозможно, в 4,5 меня уже отсюда увезли. На последнем, кстати говоря, пароходе, последнем, на котором можно было эвакуироваться. Да. Так вот, она меня показывала профессору, имя профессора она не сказала, но ведь совершенно ясно, что был только один профессор, который определял способности детей, и это был Столярский. И профессор, как говорит мама, сказал: «У мальчика абсолютный слух. И, ну конечно, надо учить, пусть подрастет». Ну а дальше — известные события, по которым ни там, куда меня эвакуировали, ни там, куда мы попали, не было никакой музыкальной школы, ни о каком музыкальном образовании думать нельзя было, никакого музыкального инструмента и так далее. А потом, где-то в возрасте 15 — 16 лет, я стал собирать самостоятельно пластинки, купили какой-то, уже электрический, патефон, то есть не заводной, где крутишь вот это самое, а вот он уже был электрический, я хорошо помню, как он выглядел, и мы с мамой слушали пластинки. А мама была очень музыкальная...

...Вот в возрасте 15 — 16 лет, наслушавшись пластинок, я просто с ума сошел, слушая у себя в воображении целые симфонии, концерты для фортепьяно с оркестром или для скрипки с оркестром. Но я же ничего не мог записать, то есть перед вами не реализованный композитор, не реализованный музыкант. Значит, должно же как-то это реализоваться, правда же, да? Куда это перешло? Для меня лично это перешло, во-первых, в поэзию. Все, кто по-настоящему сталкивался с моей поэзией, говорили, что мои стихи поразительно музыкальны. Это правда, есть такой грех. Вот и о музыке очень много стихов, очень много, можно было бы составить довольно большую книгу. Да, в общем-то, и есть книга под названием «Музыка». Да, так вот, без музыкального образования я, по крайней мере, слышал, я слышал и понимал — кто играет, о чем играют. Я сел и написал рецензию, впервые услышав Людмилу Наумовну Гинзбург, понятия не имея, что она, откуда, ничего не зная, да? Я вдруг написал — вот такая замечательная пианистка. И она, конечно, прочитала и сказала: «А кто

этот симпатичный Рейдерман?» Познакомились лично мы с ней гораздо позже, но вот эта заочная встреча была раньше.

Что такое музыка? Что такое литература? Культура. Что такое поэзия? Культура. Что такое религия? Культура. Всё — культура. Значит, ты должен жить в культуре, в музыке живешь. Живешь в музыке и понимаешь через музыку. А что музыка? Ведь музыка... ну, это почти беспредметное искусство, вот всё в звуке, да, всё в движении. То есть это исключительно духовное искусство, исключительно духовное, и ежели музыка утрачивает свое духовное содержание — ее просто перестают понимать. Я, например, разошелся с одним из крупных музыкантов здешних, который мне даже помог, о котором я даже много очень писал. Я разошелся с ним потому, что он стал делать к музыке какие-то иллюстрации — вот тут громадная стоит установка, плазма или что-то вроде этого, там какие-то идут изображения, вот я играю, а тут еще какие-то изображения мелькают, для того чтобы заинтересовать молодежь. Чистая музыка ее уже заинтересовать не может, да? Им уже нужны клипы, да? Им надо видеоряд, да? И так далее? Это ужасно, таким образом преда-ется пред-наз-на-че-ние самой музыки...

...Для меня город оказался тихим. Когда я приехал, я совершал длинные-длинные прогулки, особенно по разным лестницам, ведущим к морю. Их было очень много, в том числе — каких-то маленьких лестничек, как тропинка, узких. Везде и всюду они были. Я бродил по городу, я был городом очарован, ведь раньше я его не помнил. Да, и тут я действительно увидел какой-то замечательный и необычный, великолепный по архитектуре, по всему замыслу великолепный город. И его погубили (вы это знаете прекрасно). Меня очаровало в душе то, как он дугою изогнулся, вообще музыка во всем городе, я же все через музыку воспринимаю, во всем, что было в городе, была музыка, архитектурная музыка. Я хорошо помню, как уже позже реставрировали фасады на Пушкинской, да, как раз все отреставрировали, ну это тоже было, по-моему, еще в 80-х или 90-х. Это был ужас, понимаете, их покрасили, неадекватно их покрасили. Раздражало все это. Музыку убили. Правда, это не страшно, потому что краска скоро облезла, и город обрел, Пушкинская обрела свои былые черты. Но все-таки по первому разу впечатление было ужасное, то есть абсолютное не-по-ни-мание того, что такое город, в каком городе мы живем, понимаете?

А что же здесь было, что было в Одессе все-таки? Я выразил это в одной из статей в «Дерибасовской — Ришельевской», где вообще размышлял и о феномене Одессы тоже. Да, это у меня тоже есть, и мои размышления о феномене Одессы как раз связаны с тем, что Одесса была городом многонациональным, что она была перекрестком культур, это не случайно. Тут Греческая, тут Арнаутская, Дерибасовская и прочее. Так вот, в XIX веке это был потрясающий город... В чем феномен Одессы? Почему феномен? Потому что феномен — это что? Это, во-первых, нечто особое, нечто отдельное, нечто нестандартное, я вкладываю такой смысл в слово «феномен». Да? Что это, ну мы говорим, по простоте души — феноменально! Правда ведь? Феноменально! Так вот, это было феноменально, XIX век Одессы, последняя треть XIX века — это феноменально. Хотя это не помешало Бахтину, который учился здесь с братом в Новороссийском университете (а я поклонник Бахтина и вообще диалогизма), почувствовать, что это провинциализация... Тем не менее, именно в этой провинции один немец,

Дорогой Женя! Ася в Питере. Все фото у неё. Но вот одно, сделанное весной — так сказать, зима с всой встречается. Зато написал стихотворение — вот оно.

Евгению Голубовскому

Человека нужно застать врасплох,
может быть, тогда он и вправду неплох,
никому не позирует, просто живёт,
может, даже рассеянн что-то жуёт,
что-то думает, думает что-то,
и вздохнул — не поймёшь, от чего...

Слушай, Господи, сделай фото!
Чтобы я, поглядев на него,
понял жизнь. Как она беспощадна!
Любоваться ль чертами лица?
...А билет — не вернуть обратно.
Ехать нам по нему — до конца.

Илья Рейдерман.

познакомившийся с ним, подарил ему вот такой толстенный том Кьеркегора. Интересно, где бы еще он встретился с немцем, который подарил бы ему Кьеркегора. И без Кьеркегора не было бы Бахтина, просто не было бы... У меня здесь был знакомый искусствовед Сергей Шевелев, в те годы, когда национализм преследовался, он был украинским националистом. А я всегда говорил: «Да ты же немец, у тебя же на лице написано, что ты по происхождению немец». А он отвечал: «Да, конечно». И он все время копал в Одессе, что там было, например, о Врубеле. Да, действительно, я сейчас, может, не помню каких-то фактов, главное вот что — у Врубеля, здесь тогда жившего, нашлись учителя. То есть здесь, в Одессе, у него нашлись достойные учителя, причем фамилии учителей сплошь были иностранные, понимаете? Вот что это за город, вот почему — феномен. Когда это перекресток культур, тогда, ну, сами понимаете, кричать «жид пархатый» как-то нехорошо, если этих «жидов пархатых» 40% населения. Скрещиваются все культуры, каждая из которых одухотворяет друг друга, вот перекресток, диалог, понимаете? То есть ведь самое страшное, мы сейчас вот кричим: «Мультикультурализм», — еще какие-то слова... «глобализация». И произносим: «Диалог культур, толерантность». Никакой толерантности нет, ну разве что под дулом пистолета, скажут — ну, в тюрьму посадим, если будешь как-то чего-то не так себя вести. А к диалогу мы просто не способны, вот неспособность к диалогу — это самая страшная вещь. А когда мы понимаем, что мы живем вместе и деться некуда, надо разговаривать, надо договариваться, надо как-то ужиться вместе, несмотря на то, что мы все разные, тогда другое дело... диалог. Это единственное дело. А диалог может быть только тогда, когда он есть внутри тебя самого, ведь в тебе тоже живут ну, по меньшей мере, два человека, если их там не больше и это уже сумасшествие, множественная личность, так называемая, да? Значит, они тоже должны договориться, по крайней мере, эти два человека, не так ли?

...Да, я вам же про Гоциридзе не рассказывал, такой феномен был замечательный, был Гоциридзе, грузин. Приехал откуда? Из Тбилиси. Понимаете, что мы утратили, кстати, гово-

ря... с развалом Союза? О советской власти я не очень жалею, честно говоря, дрянная была власть... Вот. Но мы утратили вот это. ...Да вот, можно было поехать в Ригу, все равно как на Запад съездил, да? Был Лотман вот там где-то в Прибалтике, были грузины, были замечательные грузины, какая грузинская литература, какое грузинское кино, потрясающее! То есть мы жили вот в таком многомерном культурном мире, очень многомерном, это называлось «дружба народов», казенными очень словами, но это было. Вот приехал Гоциридзе, главный дирижер. Хорошо. А человек он сложный, а человек он трудный, в общем, он-то с оркестром не очень ладил. Ну, знаете, везде же интриги, да, вот и хотят тебя вытурить, ну, нам другой нужен, в общем, в театрах то же самое происходит — найти более удобного, а более удобный — более бездарный. Ну что тут сделать. Так вот, я ходил на его концерты, я знал всегда: что бы там ни было, то есть недорепетировали, что-то чего-то не так сыграл, все равно — одна часть, хотя бы одна часть будет гениальна. То есть он сумеет высказаться в ней. Вот когда есть такой творческий человек и когда ты понимаешь, что он тебе говорит... я до сих пор помню некоторые впечатления, понимаете? Вот я помню, как он пригласил какого-то грузинского пианиста (имени я даже его не запомнил). И вот он играет Моцарта, концерт Моцарта. И это потрясающе, вот понимаете, там тихая медленная часть, а эти медленные части в концертах Моцарта — это самое главное и самое трудное, и нужно играть так, что едва касаешься пальцами, и слышать тишину между, вот, звуками, это гениально! Он совершенно сыграл. Я до сих пор это помню. А дирижировал Гоги Гоциридзе, его так называли — Гога, Георгий. Ну, конечно, Гоциридзе вытурили, но пока он был, это было счастье. Вот это был расцвет музыкальной культуры Одессы, к которому я был причастен и о котором писал, писал много. Я всегда поддерживал тех, в ком видел талант. И старался никогда не врать! Тем более что денег мне ни за правду, ни за ложь не платили, зачем же еще и врать...

Диктофонную запись расшифровали
Оксана Зобенко и Александр Шрагин-Кац.

Роман БРОДАВКО

«Одесса классикс»: музыка на все времена

В нашем городе прошел второй международный музыкальный фестиваль «Одесса классикс». Необходимость такого события в культурной жизни назрела давно. В 80 — 90-е годы традиционными стали фестивали искусств «Белая акация», в которых принимали участие самые известные академические, фольклорные и эстрадные коллективы страны. Как правило, «Белая акация» становилась мощным финальным аккордом концертных сезонов, которые в то время были насыщены выступлениями именитых отечественных и зарубежных гастролеров.

По экономическим причинам большой фестиваль искусств прекратил свое существование. У государства не нашлось средств на его поддержку, а бизнес-элита к тому времени еще не созрела до того, чтобы помогать искусству развиваться, как это делается во многих странах с развитой рыночной экономикой.

В начале XIX века само понятие фестиваля как праздника (именно так переводится это слово с французского языка) стало утрачивать свой высокий статус. Фестивалями в Одессе и в других городах Украины стали называть два-три, а то и один знаковый концерт, проводимые в городе. Да и исполнительский уровень участников этих программ далеко не всегда соответствовал фестивальному уровню. А ведь праздник всегда должен нести в себе нечто особенное...

В 2015 году по инициативе известного пианиста Алексея Ботвинова в Одессе состоялся первый фестиваль «Одесса классикс». Он вызвал большой интерес у слушателей, а главное — оправдал их надежды на яркие художественные впечатления. Для того чтобы закрепить успех, фестиваль 2016 года должен был стать еще содержательнее и интереснее. К счастью, так и произошло. Уровень мастерства исполнителей и качество концертных программ иначе как высоким назвать нельзя.

Филармония. День первый

На сцене Бельгийский камерный оркестр. В программе Моцарт, Турина, Барток, Вивальди. Коллективом из Брюсселя руководит известный скрипач и дирижер Майкл Гуттман, который с успехом выступал как солист на прошлом фестивале.

В первый фестивальный вечер Бельгийский оркестр выступал без дирижера. Но его незримое присутствие ощущалось в изысканной ансамблевой культуре, исключительной выразительности и той радости свободного музицирования, которая всегда захватывает слушателей.

«Полетный» Моцарт — дивертисмент фамажор. Изящество, ювелирная выделка музыкальной ткани, глубина и искрометность — так, на наш взгляд, можно определить трактовку этого популярного сочинения. В переводе с французского слово «дивертисмент» означает «развлечение». Особую популярность этот жанр получил в эпоху классицизма. «Развлечение» Моцарта — игра ума, тонкое соотношение света и тени и всепоглощающая радость творчества. Именно так прочитали сочинение «солнечного гения» бельгийские музыканты.

Затем — эмоционально исполненная пьеса известного испанского композитора первой половины XX века Хоакина Турины «Молитва тореадора» и виртуозный «Румынский танец» Бартока. И, наконец, цикл концертов для скрипки и струнного оркестра «Времена года» Вивальди — одна из вершин мировой камерной музыки.

Одесская публика открыла для себя скрипача-виртуоза Линуса Рота. Десять лет назад, в 2006 году, дебютный альбом молодого музыканта получил престижную немецкую премию. После этого Линус Рот сделал себе имя в качестве одного из самых интересных скрипачей своего поколения. Его по праву называют чемпионом по исполнению забытых произведений и забытых композиторов. Скрипач регулярно дает сольные концерты с аргентинским пианистом Хосе Гальярдо. Он с особым интересом относится к творчеству выдающегося композитора Моисея Вайнберга. Именно запись всех произведений Вайнберга для скрипки и фортепиано принесла Линусу мировое признание — как публики, так и критиков.

Линус Рот играет на скрипке работы А. Страдивари 1703 года.

Существуют произведения, при исполнении которых любой молодой музыкант стал-

живается не только с чисто исполнительскими сложностями, но и с психологическими преградами, связанными с так называемой «традицией исполнения». К числу таких, несомненно, относятся и «Времена года» Вивальди. Найти в нем себя — задача не из легких. Но у Рота это получилось! В его исполнении привлекали виртуозность и утонченность фразировки, красота звука в кантлене и изысканность. А главное — солист и оркестр предстали в органичном единстве, когда, слушая великую музыку, мы не в состоянии разделить их!..

Филармония. День второй

28 лет назад Полина Осетинская, тогда еще совсем юная девушка, выступила с оркестром Одесской филармонии под управлением Георгия Гоциридзе, исполнив в один вечер два фортепианных концерта. Это был смелый эксперимент. В незаурядности юной пианистки не было сомнений. Но каждый из заинтересованных слушателей думал тогда: как сложится дальнейшая ее судьба? Состоится ли она как музыкант с яркой исполнительской индивидуальностью? К счастью, состоялась!

В 1998 году Полина окончила Петербургскую консерваторию. В этом же году поступила в ассистентуру-стажировку Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского, в класс профессора В. Горностоевой, которую окончила в 2000 году.

Еще учась в Московской консерватории, Осетинская выступала с Токийским филармоническим оркестром, оркестром Веймарской национальной оперы, Академическим симфоническим оркестром филармонии Санкт-Петербурга, Государственным Академическим симфоническим оркестром им. Светланова, «Виртуозами Москвы», «Новой Россией» и др. Ее партнерами на сцене были известные дирижеры: Саюлюс Сондецкис, Василий Синайский, Андрей Бореико, Герд Альбрехт, Томас Зандерлинг... Полина Осетинская с успехом выступала на фестивалях «Du Wallonie», «Mainly Mozart», «Chopin Festival», «Звезды белых ночей», «Декабрьские вечера» и многих других. В 2008 году пианистка написала автобиографию «Прощай, грусть!», ставшую бестселлером...

В сольном концерте в рамках фестиваля «Одесса классикс» Осетинская исполнила сочинения Моцарта, Шопена, Шуберта и Вагнера в транскрипции Листа. Блеск техники, радостная свобода музицирования, «сверкающий» звук, драматургическая выстроенность программы (особенно это проявилось во втором отделении, когда логичным продолжением экспромтов Шуберта стал Вагнер-Лист) покорили слушателей.

Площадка перед колоннадой Воронцовского дворца. День третий

Концерты на открытом воздухе, которые давно практикуются в разных городах Европы, обретают популярность в Одессе. К сожалению, они проходят редко. Зато всегда обеспечены благодарной публикой. Так и случилось, когда фестиваль «Одесса классикс» подарил одесситам и гостям города незабываемый гала-концерт. Слушателей в тот вечер было море... Дмитрий Шостакович как-то сказал: «Любителями и знатоками музыки не рождаются, а становятся... Чтобы полюбить музыку, надо, прежде всего, ее слу-

шать». То, что одесситы готовы к этому, сомневаться не приходится.

В гала-концерте у колоннады были представлены разные жанры: от оперного до популярного инструментального. Настоящим подарком для слушателей стало выступление Ольги Микитенко, солистки Киевской национальной оперы, певицы, которая с успехом поет на известных оперных сценах. В исполнении арий Леонавалло, Верди, Пуччини, Кальмана ярко проявились многосторонность дарования певицы, уникальность ее голоса. Достойным партнером солистки выступил оркестр под управлением Игоря Шаврука.

Далее был представлен большой фрагмент проекта Алексея Ботвинова «Музыка любви», в котором прозвучала музыка Моцарта, Рахманинова, Шопена и Гласа. Музыка в исполнении оркестра и солиста Алексея Ботвинова сопровождалась яркими видеопроjectionами, которые проецировались на колоннаду и представляли собой магическое зрелище.

Затем на сцену вышли Бельгийский камерный оркестр и Майкл Гуттман в качестве дирижера и солиста. Это был многокрасочный фейерверк популярной классической и современной музыки, незабываемое шоу, в котором главным действующим лицом был Гуттман. Концерт шел без антракта два с половиной часа, однако для слушателей, вовлеченных в атмосферу музыкального праздника, они пролетели, как одно мгновение.

Филармония. День четвертый

Музыка Вагнера — редкая гостья на концертной эстраде и оперных подмостках. Объясняется это многими причинами, среди которых — сложность исполнения и крайне реакционная идеология композитора. Тем не менее, при всей неприглядности воззрений Вагнера, отрицать его гениальность как композитора нельзя.

Фестиваль подарил слушателям возможность в рамках вагнеровского вечера услышать яркие оркестровые фрагменты из опер и по достоинству оценить дарование Маттиаса Гёрне, одного из лучших интерпретаторов Вагнера. Гёрне родился в 1967 году в Веймаре. Учился вокалу в Лейпциге, в высшей школе музыки имени Мендельсона, у Ганса-Иоахима Байера, затем у знаменитых оперных певцов Дитриха Фишера-Дискау и Элизабет Шварцкопф. Выиграл вокальный конкурс имени Г. Вольфа в Штутгарте в 1990 году. В этом же году Маттиас Гёрне с успехом дебютировал в «Страстях по Матфею» И.С. Баха. С тех пор карьера певца неуклонно развивается. Его концертный репертуар весьма широк и включает в себя песни Шуберта, Шумана, Брамса, Р. Штрауса, Малера, Шостаковича, Г. Вольфа, Г. Айслера и К.-А. Гартмана. Маттиас Гёрне регулярно выступает в самых знаменитых концертных залах мира — Карнеги-холле (Нью-Йорк), Уигмор-холле (Лондон), зале Плейель (Париж) и других. В репертуаре Гёрне — партии в операх Моцарта, Пуччини, Чайковского, Верди, Хиндемита...

Его хильден-баритон (по-русски — героический баритон) покоряет гибкостью и разнообразием тембральных красок. А его безупречная вокальная техника всегда органично сочетается с глубокой интерпретацией. В исполнении Гёрне прозвучала ария короля Марка из оперы «Тристан и Изольда», ария Голландца из оперы «Летучий Голландец»

и «Прощание Вотана и заклинание огня» из оперы «Валькирия».

Подлинным героем этого концерта стал оркестр, собранный Игорем Шавруком специально для исполнения вагнеровской программы. Он звучал мощно и при этом высвечивал все, даже самые мелкие детали партитуры.

Бережное отношение дирижера к авторскому тексту, тщательность в отделке деталей проявились в единстве с уверенным ощущением архитектоники музыкального целого.

Исполнение оркестром этой музыки привлекло естественной гармоничностью. Качество это достигается умением выявить, с одной стороны, ясную прозрачность ткани, с другой — сочность, насыщенность инструментальных красок.

Особо следует отметить предельную точность И. Шаврука в аккомпанементе. Неслучайно после концерта Гёрне сказал, что хотел бы вновь встретиться с этим дирижером.

Филармония. Пятый день фестиваля

Как и в прошлом году, фестиваль завершил концерт наших гостей из Таллинна. И это неслучайно: «Hortus Musicus» («Сад музыки») — ансамбль, который постоянно открывает новые пласты музыки и не перестает удивлять своих поклонников. Коллектив под управлением композитора, дирижера и скрипача-виртуоза Андреса Мустонена был создан в 1972 году — Мустонену тогда было девятнадцать. В основе репертуара Hortus Musicus — западноевропейская музыка IX — XVII вв. Кроме того, ансамбль исполняет традиционную (профессиональную) музыку Индии, Армении и Ближнего Востока, сочинения современных композиторов, в том числе — написанные специально для ансамбля (Арво Пяртом, Лепо Сумерой, Э.-С. Тюрором, Виктором Суслиным, Александром Рабиновичем-Бараковским).

В 1974 г. Hortus Musicus записал первый диск, посвященный григорианскому хоралу. В дальнейшем ансамбль выпустил ещё не один десяток альбомов. Hortus Musicus побывал с концертами в большинстве стран Европы, в США, Израиле, Японии, участвовал в крупнейших международных фестивалях. В 2000-е годы ансамбль часто выступает с программами, в которых намеренно смешаны образцы старинной, традиционной и современной композиторской музыки.

Художественный руководитель ансамбля Андрес Мустонен не раз подчеркивал, что его коллектив не ставит во главу угла своего творчества аутентичность. Современная музыка, исполняемая ансамблем, несет в себе те же ценности, что мы находим в ранней музыке: чистоту и ясность формы, гармонию и красоту в простых вещах.

На этот раз в программе «Восток встречается с Западом» в первом отделении концерта с блеском прозвучали фольклорные мелодии Индии, Турции, Греции, балканских стран, традиционная еврейская музыка, а во втором — европейская музыка эпохи Возрождения.

Слушая Hortus Musicus, не перестаешь восхищаться мастерством музыкантов, играющих на разных инструментах и исполняющих сложные вокальные партии.

Мы рассказали только о так называемых «больших» программах фестиваля. Но кроме них были выставка живописи Игоря Гусева «Теория струн» в Музее западного и восточного искусства, концерты дуэта Елены и Ивана Ергиевых и писателя и искусствоведа Евгения Деменка, скрипача Евгения Кострицкого и поэта Бориса Херсонского, пианиста Сергея Терентьева и поэта Елены Боришполец, вечер памяти гитариста Анатолия Шевченко, литературный концерт «Семь струн юмора» Валерия Хаита.

В том, что фестиваль «Одесса классикс 2016» состоялся, огромная заслуга его основателя, президента и художественного руководителя — известного пианиста Алексея Ботвинова, который вынес на себе не только творческую, но и многотрудную организационную работу. К счастью, его усилия оказались не напрасными. В Одессе рождается прекрасная традиция. То, как она будет развиваться, во многом зависит от каждого из нас. Ведь слушатели — это та сила, которая способна повлиять на руководство города, области и страны в своем стремлении сохранить за Одессой статус одной из музыкальных столиц мира.

Тина АРСЕНЬЕВА

«Смех — это вежливость в безнадежности»

VII ОДЕССКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ

Так сказал бельгийский режиссер Ксавье Серон, комментируя черный юмор своей картины «Смерть после смерти», награжденной на ОМКФ — 2016 призом за лучшую режиссуру. Но не только этот фильм оказался припечатан горестной и вызывающей улыбкой. Свидетельствует ли она о «безнадежности»? Какие призраки бродят нынче по Европе?..

Почти за каждым фильмом нового «авторского кино» маячит призрак выдающегося предтечи. Всё было, было, было. Не в этом беда: и все сюжеты заявлены в Библии, и Шекспир брал свое добро, у кого находил, и Пушкин туда же. Но те образчики, которые встают за новейшими артхаусными дерзаниями, дают такую глубину постижения темы и такую высоту постановки «вечных вопросов», что надо еще решиться вступить в переключку. Так что, уж если Шекспир что затрогнул, так теперь про то и не писать? Нет, и писать, и снимать. Но вот критику, который родился не вчера, остается следить: а как выпутается новый автор, чем сумеет увлечь?

Автор фестивального фильма «Кто горит, горит», зрительским голосованием «приговоренного» к Гран-при, вышла из культурной ловушки достойно. Молодого режиссера Чанио Баттон спасла... доброта. Душевная тонкость. Зрителю пришлось по сердцу нехитрая, но гуманная киноистория, лишняя раз напомнившая о том, что жизнь у каждого одна, что она внезапно может оборваться и что негоже ее растрчивать попусту в погоне за бытовым комфортом, ради которого идешь на компромиссы и забываешь, что ты человек, а не винтик социального механизма, пусть и отлаженного идеально для твоего же блага, то бишь комфорта. Есть смысл крепко подумать о вещах несъедобных, пересмотреть свое небрежное отношение к близким и постичь, что «всегда найдется вершина более высокая», как убеждают в финале фильма две молодые героини.

Сюжетец был сочинен, чего уж там, опасный. Путешествие с погребальной урной, чтобы по завещанию развеять прах в определенных местах, приключения, поджидющие персонажей, с попутным выяснением отношений, серебристый призрак на экране... ничего не напоминает? Ага: Феллини, «И корабль плывет». Даже до вот такого штришка, невольного, полагаю, но ведь заложенная культурная матрица работает: у Феллини прах оперной дивы развеивают близ греческого острова Эримо, на котором, считалось, находится вход в Аид; у Чанио Баттон одна из героинь, которым обреченный друг в видеозавещании поручает развеять его пепел, носит имя Персефона...

Есть люди, даже и такие, кто профессионально не чужд кинематографу, которые творчество Феллини вообще не воспринимают. Ну, дело такое... Я же, в который раз просматривая «И корабль плывет», снова и снова ощущаю: магия! По просмотру «Кто горит, горит, горит» — иное: ну, добрый фильм, с благими пожеланиями молодым. Вряд ли спосібный произвести переворот в сознании. Так, чтоб из кинозала — с подгибающимися коленками. Были такие фильмы в нашей юности. Шкала была задана...

Нынешние времена — не времена культурного шока. Природа взяла тайм-аут. Вы заметили, что этим летом не цветет одесская софора, обычно ввергающая город в фантазматическое свечение? В прошлом году цвела буйно. Теперь отдыхает. Так оно, видно, и с явлением миру гениев...

Идеи, содержащиеся в фильме Чанио Баттон, приложимы к другим фестивальным фильмам, и конкурсным, и прочим рубрик. Та же картина «Смерть от смерти» Ксавье Серона. Я люблю черный юмор. В сущности, он — попытка заглянуть смерть, рудимент древнего ритуала погребального смеха. Режиссер и сам признался в намерении «приручить смерть».

В фильме мрачный юмор задает тон, но автор не перебарщивает, не впадает в брутальность, ничего не опешляет. Очень культурная работа. Актер Жан-Жак Розен — великолепен, и нужно быть незаурядным смельчаком, чтобы предстать в образе такого лузера — затурканного вздорной, эгоистичной мамочки ипохондрика, вообразившего у себя раковую опухоль. Его если и можно «полюбить», то отчужденно-снисходительно: жалая, но не самоотжествляясь. Явно не

секс-символ. Надо иметь мужество изобразить подобного антигероя. Это актерский талант, самозабвенный талант! Плюс изумительная работа молодого оператора Оливье Бунджинга, сумевшего раскрыть, «нарисовать» светом прямо-таки иконописную фактуру исполнителя главной роли: глядя на Розена в жизни, вы бы и не подумали.

Но фильм оставил во мне некую неудовлетворенность, ощущение раздвоенности. Автор замахнулся на постановку экзистенциальной проблемы: о неотвратимости смерти и в свете этого — вопроса о смысле или бессмыслице бытия. Но очень уж увлекся частным биографическим казусом своего персонажа: его отношениями с доминирующей мамочкой. Герой Жан-Жак Розена добр, совестлив, вот маман ему и села на голову, Эдипов комплекс ни при чем. Беда же для идеи фильма в том, что экзистенциальная проблема как таковая не вытекает из отношений, какими бы они ни были, детей с родителями, равно как и характер этих отношений данной проблемой не обусловлен. «Есть предел, его же не перейдешь» — условие имманентное. Фильм же, по произвольному посылу автора, устремился по двум разным колеям — и историю в моем восприятии пошла вразнос. Как если бы некто поскользнулся на льду и невольно сел в поперечный шпагат, растянув себе связки.

Экзистенциальный вопрос — он такой, на нем художник вполне может свернуть себе шею. В конечном счете, приватный казус перевешивает: трогательному герою фильма сострадаешь, а уж что все мы, в принципе, умрем, так ведь смерть — это то, что случается с другими. А с этого несчастья парня что же взять, он просто болезненно мнителен, воображение у него впереди соображения бежит, не зря же он посещает актерскую студию. Тут частная биография не натягивается на универсум...

...Надеялась я, что будет отмечен фильм немки Дорис Дерри «Привет из Фукусимы». На мой взгляд, актерский приз двум исполнительницам главных ролей, Розали Томасс и Каори Моми, — это маловато. Фильм добрый, исполненный юмора, тоже подчас черного, и тонких наблюдений, побуждающих к размышлениям. И главное: его проблематика универсальна, все коллизии можно примерить на себя.

Вот смотришь, как пожилая японка упрямо пытается разгрести завалы, оставшиеся на месте дома ее родителей после цунами; как пытается помогать ей молодая немка, приехавшая в Японию после катастрофы на Фукусиме в составе волонтерской организации... чего, спрашивается, сорвалась из комфортной Германии — такая альтруистка, да? Значит, смысл существования в комфорте до такой степени для нее уже замылен, что и радиации не боюлась? Или, напротив, от социальной неустроенности очертя голову бежала? Смотришь, как они вдвоем пытаются придать руине подобие жилого вида. Как откапывают осколки, ошметки нормального, мирного жилья — фотоснимки, милые домашние вещицы...

И думаешь: так, может, нам, чтобы ощутить вкус к жизни, чтобы оценить саму возможность жить, необходима — катастрофа? Надо лишиться дома, чтобы понять, какое это благо — дом, даже бедный? Надо выйти в катаклизме, чтобы обрести настоящую цель, смысл жизни: созидание — построение нового дома на месте разрушенного...

А — зачем? А чтобы жить нормально. То есть — в комфорте. А для чего — комфорт? Чем ради него приходится в жизни жертвовать? Какие ограничения и социальные условности приходится принять? (Тут еще — смотрите фестивальный фильм-трагикомедию Марен Аде «Тони Эрдманн».) Вот ведь какой заколдованный круг! «Те, кто выжил в катаклизме, пребывают в пессимизме»... куда не прорвет круг очередная катастрофа.

А это столкновение цивилизаций в лице двух случайных попутниц, жертвы катастрофы и волонтерки, японки и европейки! О, «Запад есть Запад, Восток есть Восток», и со столькими трагикомическими нюансами!.. Жертва не ощущает себя жертвой — она втайне презирает спасательницу как чужака, как варвара, и даже сквозь японскую вежливость прорывается это чувство превосходства. К сему прилагается в фильме мимикриру-

ющая Япония, этот самодостаточный Восток, «закосивший», чтобы комфортно существовать на планете, под Запад, перенявший американскую цивилизацию — и глубоко ее презирающий. Героиня фильма — гейша. Это — призвание, это — пожизненно, это — гордое воплощение традиции, и это... шоу-бизнес, как сама же она трезво констатирует: фишка для туристов. А дочь гейши танцует амазонку-самурайку в бродвейском шоу. Глобализация: хочешь комфорта, а попросту выжить — соблюдай дресс-код...

Поладят ли цивилизации на планете? Или ментальный конфликт — а конфликт, как известно, двигатель сюжета и прогресса — приведет к катастрофе?..

...А еще — вопрос трагической вины. Японка считает себя виновной в гибели своей ученицы, которую, скорее всего, не намеренно, а по неловкости, в панике, столкнула с дерева во время наводнения. Теперь это место одолевают призраки. Потому и вернулась гейша к родному пепелищу и сухому дереву — изжить вину. Немка спасает гейшу при попытке той повеситься на злосчастном дереве... и, уже уезжая, чувствуя себя, спасательницу, лишней и неуместной в этой чуждой жизни, старательно спиливает сук. Провожает европейскую героиню тонкая усмешка старой гейши в финальных кадрах фильма. Забота оценена... но если кто постановил себе повеситься — не сук, так крик сыщет. Тем более что в японских религиях нет «смертного греха», а есть — перевоплощения. Финальная улыбка Каори Моми — она, о, из запинающихся!..

Вот возьмите и примирите всё это во все-светной гармонии!..

Фаворит жюри, «лучший фильм конкурсной программы» — лента румынского режиссера Адриана Ситару «Незаконные». Вот уж все-европейская гармония политкорректности! Во-первых, фильм постсоциалистической страны, претерпевшей тоталитаризм: надо поощрить, не?... Во-вторых, благая идея, которую нам втолковывали на пресс-конференции исполнители главных ролей Алина Григоре и Роби Урс: не судите, да не судимы будете. Мол, ситуацию изнутри надо постичь. Ситуация — секс между братом и сестрой, близняшками, которым, как я поняла, по сюжету — 15 лет. Девочка забеременела. Аборт — убийство. После долгих прений ребенок благополучно рождается, все радуется.

Инцист: вот чем испугали!.. Как поживала старушка Европа сексуально в пору античного отрочества и буйной ренессансной юности, мы в курсе. Как тема отрефлексирована европейским кино — тоже в материале. Молодые, вам наводочка: классик мирового кино Лукино Висконти, «Туманные звезды Большой Медведицы», «Золотой лев» Венецианского МКФ 1965 года. Я, впрочем, не сравниваю: и рядом не лежало. На то он и классик. Полюбопытствуйте и «Молчанием» Ингмара Бергмана, 1963 год...

Худо иное. Графоманская ли пьеса в основе сценария, или сценарий по пьесе вышел слаб, но негоже, когда вместо художественного исследования предлагают агитку: «Аборт — преступление, даже если ребенок — плод кровосмешения». Ну, дело семейное. А на большее, чем агитплакат в здравпункте, фильм не тянет. Кто и что в нем попытался «постичь изнутри»? Что можно сказать о героях, брате и сестре, кроме того, что они юные, хорошенькие и посещают дансинг? Каковы их характеры, что их, в конце концов, толкнуло в объятия друг друга, — не взаимности же их растили?

Нам пытаются дать обоснование — но примитивное: это психоанализ, адаптированный для клерков. Мол, мама двойни колебалась, рожать ей или сделать аборт. Мол, явились в мир непрошенные-нежеланные, с дорожкой, можно сказать, травмой, ну, и вынуждены были возлюбить друг друга. Зато процесс «возлюбления», точнее, извините, «траха», в фильме дан «весомо, грубо, зримо», не то что эти старомодные Висконти с их намеками. Теперь иначе нельзя, из мейнстрима выпадешь.

Обещала «не сравнивать», и всё же... У Висконти обоснование взаимного влечения брата и сестры внятное. К тому же из рассказанной им истории не вполне ясно, идет речь действительно об инцесте или только о той опасной близости, которая им чревата и по-

рождает в округе сплетни. Существенно то, что само влечение осознается героиней как грех и что употребляет она двадцать лет спустя в отношении той подростковой коллизии старомодное выражение «угрызения совести». Да и оказались двое подростков в фильме Висконти в ситуации поистине гамлетовской: «порядочные люди» их городка донесли фашистам на их отца, крещеного еврея, и тот погиб в Освенциме. А мама после вышла замуж за одного из «порядочных людей». Дети, мучимые догадками, оказались в изоляции...

У меня же невольно возник вопрос о героях фильма «Незаконные»: а люди ли — эти два юных существа? Или животные? Вроде молодых кота и кошки из одного помета. Вот так, без рефлексий, без понятия о грехе, стыде, без условностей, импульсивно, рефлекторно... и не морочьте нам голову с вашим допотопным Эдипом, это неполиткорректно.

Апофеозом же впечатления было — похоронение молодого зрителя в кресле позади, во время изнурительно долгого экранного диалога брата с сестрой: так делать ли ей аборт? Диалог кончился, зритель встряхнулся. Я ничего не придумываю!

Понятно: молодое поколение румынских художников, сподобившись Евросоюза, бросилось осваивать «евроценности» с рвением неопитов, которые, как известно, благочестивее Вселенского патриарха и непогрешимее Папы Римского. Толерантность — так до упора.

Кинофестивальное жюри — туда же. Ведь фильм «Незаконные», как ни верти, не блещет художественными достоинствами, не предлагает ни психологических глубин, ни формотворческих новаций. А вы тут о былом говорите — тоталитарная цензура, политическая конъюнктура. На поверку — «Свободы нет в природе, ее соблазн исчез!»

...Кто уповает, что Европа разрулит наши с вами проблемы, тот пусть посмотрит фильм, награжденный Золотой пальмовой ветвью в Каннах в 2016 году: «Я, Дэниэл Блейк» Кена Лоуча. Был ли это реверанс жюри кинематру, которому как раз в этом году исполнилось 80 лет? По случаю таких дат обычно награждают «за вклад в кинематограф». А если уж дали «веточку» за такой фильм, то... неладно что-то и в британском королевстве. Человек, превращенный в деталь отлаженного социального механизма продажи труда ради покупки комфорта, однажды, как и всякая деталь, изнашивается, и тогда... Собственно, рассказанная Кеном Лоучем печальная история — гротеск, доведение ситуации до экстремума, но не на пустом же месте режиссер ее измыслил.

«Шары европейской» не будет. Европе не до наших проблем: у нее своих выше крыши. Никому в мире — не до наших проблем. Пустившийся в свободное плавание не норовит всучить штурвал чужому дяде. Сюжеты европейского кино тому порука. «Выбирайтесь своей колеёй»...

(В сокращенном варианте опубликовано в газете «Вечерняя Одесса».)

Наталья БРЖЕСТОВСКАЯ «И возвращается ветер на круги своя»

175 лет назад в Одессе был основан Свято-Архангело-Михайловский женский монастырь. А ровно четверть века назад, пережив революции, войны, гонения, запреты и разрушения, православная обитель начала возрождаться.

Когда-то начало улицы Успенской было окраиной Одессы. И на месте большого пустыря в 1835 году был построен приходской храм, получивший имя Архистратига Михаила.

По легенде, когда архиепископ Херсонский и Таврический Гавриил Розанов служил в новом храме божественную литургию, он услышал таинственный голос, произносивший цитату из Священного писания: «Ревность о доме твоём снедает меня». Владыка воспринял это как знак свыше, что место это необыкновенное, святое, что есть тут особая благодать, раз к нему зывал Глас Божий.

Так на этом месте в 1841 году был основан женский монастырь, один из старейших в городе. Он создавался как монастырь училищный — с Епархиальным женским училищем для обучения девиц-сирот духовного звания, со своей больницей и трапезной для бедных. При монастыре девушки получали духовное и светское воспитание, осваивали этикет. И продолжалось это до тех пор, пока не случилась революция. Религия была объявлена опиумом для народа, атеизм возведен в ранг государственной идеологии, а борьба с церковью стала государственной политикой.

Для монастыря наступили трудные времена. В 1923 году обитель закрыли, а в 1931-м — взорвали собор и колокольню. На 10 лет здесь замерла церковная жизнь, пока неожиданно власти оккупационной Одессы не позволили монастырским насельницам вернуться, передав им помещения монастыря. Собора не было, и монахини служили службу в приспособленном для богослужения парадном помещении.

А в 1961 году монастырь закрыли вторично. Новое испытание. Чтобы уже напрочь изжить монастырский дух, власти открыли на его территории городскую туберкулезную больницу, а точнее — отделение для заключенных с различными стадиями туберкулеза.

Лишь в 1991 году после многочисленных обращений Одесской епархии к властям монахиням было позволено вернуться в намоленные места. И им еще пришлось пожить по соседству с больничным моргом.

Игуменья Архангело-Михайловского монастыря Серафима:

— Когда мы пришли, мечтали только, чтобы в храме была служба, а у монахинь — крыша над головой. Ведь первое богослужение мы отслужили под открытым небом.

Здесь царил мерзость запустения. Все находилось в полуразрушенном состоянии. Рядом была огромная свалка. Но мы отремонтировали пару корпусов и так жили пять лет, рядом с моргом. Он представлял собой полуразрушенный подвал, находившийся в антисанитарном состоянии. Туда сбрасывали тела этих несчастных доходяг. А живые пациенты этого страшного отделения, находившиеся на последней стадии болезни, жили рядом, ходили в храм, изрыгая мат в святом месте. Но мы не роптали и все это терпели — это же обитель божья, а не место греха. Мы их подкармливали, жалели, общались. Одному умиравшему больному я даже отдала свой крестильный крестик, он попросил. А через два дня пропил его, а потом умер.

Не передать, с чем приходилось сталкиваться ежедневно. Однажды во время службы к нам забежал человек в невменяемом состоянии, с топориком в руках, грозился нас взять в заложницы. Мне удалось его успокоить, забрать из рук топор, отдав взамен свои четки, вывести из храма и отвести беду.

Сегодня в монастыре, как и прежде, обитают около ста сестер: послушниц, монахинь, схимонахинь. Быть принятой в обитель непросто. Тем, кто серьезно решил посвятить жизнь Богу, дается прописанный в уставе трехлетний испытательный срок. Трудницы и послушницы должны за это время понять — их ли это путь, а игуменья и сестры — решить, смогут ли они здесь остаться. Кого-то приводит ошибочная мотивация: душевная травма, несчастная любовь, обиды, безысходность, жизненные обстоятельства. Такие, как правило, в монастыре не задерживаются, вскоре понимая, что крест этот для них слишком тяжел.

Матушка Серафима:

— Только изначальный посыл возложить свою душу на алтарь Господу все кардинально меняет.

Я вспоминаю, как в 17 лет пришла в обитель, Киевский Покровский монастырь. Шел 1981-й год, когда по советским законам принять в монастырь можно было только лиц после 60 лет. Было трудно, жилось нелегко, игу-

меня скрывала нас. Но каково было мое удивление, когда однажды я услышала о себе: «Это та послушница, которая все время улыбается». Я действительно не ходила по монастырю, а летала с какой-то блаженной улыбкой. Внутреннее наполнение было настолько светлым, а я была настолько счастлива, что попала в обитель, что это, видно, отражалось на моем лице.

Лишь спустя несколько лет власти окончательно убрали отделение туберкулезной больницы с территории монастыря, и обитель стала преобразоваться. Сначала были отремонтированы имевшиеся корпуса, которые за 30 лет пришли в полную негодность, и заменены все коммуникации.

Шаг за шагом обитель поднималась из руин. В 1995 году началось строительство четырехэтажного здания Дома милосердия. Когда-то такие дома называли богадельнями. В них находили приют, пищу, заботу и медицинскую помощь те, кто в этом нуждался. Увы, одиноких, немощных, малоимущих стариков меньше не стало и в нынешнее непростое время. Холод, голод, болезни, одиночество, людское равнодушие и корысть гонят их сюда.

Монахини рассказывают, что нередко случалось, когда пожилых людей привозят на машине и оставляют у ворот монастыря, подкидывают, как котят. Несколько обитателей не имеют паспортов, им пытаются восстановить документы. Сейчас в Доме милосердия при монастыре живут 140 человек. Так возрождается христианская традиция душепопечения.

А на верхних этажах здания разместились выставочный зал, городская художественная галерея, детская духовная семинария.

В 2004 году, к 210-летию Одессы, был открыт музей «Христианская Одесса», а вскоре построена часовня в честь святых князей Бориса и Глеба. Заново оборудован медицинский центр святой Ксении Петербургской.

И, наконец, была открыта Одесская духовная семинария, где сейчас четыре отделе-

ния: регентское, золотошвейное, швейное и иконописное. В мастерских семинарии идет серьезная работа: тут шьют облачения и митры, пишут иконы и вышивают бисером, расписывают церковную утварь. Все это требует огромного терпения. Настоящий город мастеров.

Вот так, год за годом, упорно и последовательно восстанавливалась обитель.

Игуменья Архангело-Михайловского монастыря Серафима:

— Но главное — это духовная перестройка, которая произошла в этих стенах. В храме возобновились постоянные богослужения и была зажжена лампада молитвы.

И сейчас в центре монастыря завершается строительство храма в честь иконы Пресвятой Богородицы Иерусалимской. Он станет третьим на территории монастыря. Первый и основной — в честь Архангела Михаила; есть церковь в честь Преподобных Печерских в Доме милосердия. А в июле прошлого года состоялась торжественная закладка храма-трапезной. Митрополитом Одесским и Измаильским владыкой Агафангелом были освящены купольные кресты. Большая часть работ уже выполнена.

Игуменья Архангело-Михайловского монастыря Серафима:

— Стройка, особенно в такое тяжелейшее время, как сейчас, — большая ответственность и напряжение. Но монастырская жизнь должна соответствовать своему уставу: у каждого монастыря должна быть своя трапезная. Поэтому нам пришлось идти на такие кардинальные изменения нашей жизни. Но Господь нам помогает. Есть волонтеры и жертвователи среди прихожан. Скоро новый храм откроется.

Но если внутри монастырской обители все радует глаз: ухоженная территория с клумбами и посадками, аккуратные дорожки, чистота и порядок, то дорога к ней по-прежнему

лежит через упадок и запустение: заброшенный двор, забитый гаражами, грязные заборы. И даже фасадное трехэтажное добротное серое здание на Успенской улице, за которым скрыт монастырь, безжизненно. Заброшенный вид, мутные окна с разбитыми стеклами, отсутствие вывески наводят на мысль, что обитатели покинули его. Это и есть монастырское здание Епархиального женского училища для обучения девочек-сирот. Приглядевшись внимательно, и сейчас можно разглядеть на нем кресты. Не так давно здесь размещалось общежитие Одесского морского торгового порта. Здание находится на балансе облсовета. И все усилия Одесской епархии, все письма, все просьбы вернуть монастырскую собственность пока тщетны.

Игуменья Архангело-Михайловского монастыря Серафима:

— Мы надеемся возродить Епархиальное училище, воскресив забытые традиции христианского воспитания девушек. Более того, мы хотели бы организовать там реабилитационный центр для страждущих и немощных участников-инвалидов военных конфликтов и антитеррористических операций. Многие из них сегодня беспомощны, не имеют социального обеспечения. Но нам не идут навстречу, хотят это здание продать. Коммерческие интересы у нас по-прежнему преобладают.

Остается уповать на бога и на чудо. Но мы с вами знаем, что чудеса порой случаются. Автор нескольких серьезных работ по истории христианства, игуменья Серафима свою первую книгу посвятила Спасо-Преображенскому кафедральному собору Одессы задолго до его возрождения, когда с трудом верилось, что такое возможно. И ведь удалось возродить главный храм города. И многие православные жители Одессы считают это настоящим чудом.

Фото Натальи Бржестовской и Вячеслава Тенякова.

Галина МАРКЕЛОВА

То ли роза, то ли сыть

Май этого года оказался очень тяжёлым даже для меня, уже не первый год живущей в ритме скорбных маршей... Не помню, каким образом наткнулась на сообщение в Интернете, что Лены Миленти уже нет... Ступор, невозможность ни поверить, ни принять, но жесткая реальность в том, что 31 мая надо идти прощаться с Леночкой...

Утром, шатаюсь по цветочному рынку, я нахожу розы, наши, родные, свежие, тёмно-алые, бархатистые, но с чёрным надцветом... Их приоткрытые лепестки напоминают мне Ленины губы, она обычно перед тем, как читать стихи, сотворяла нечто со своим ртом, что, мол, я не виновата в том, что сейчас произойдёт...

Как будто бы уже нужно спешить на прощание, но я не могу уйти, что-то меня удерживает, и вдруг передо мной какая-то старушка разворачивает кулёк с удивительными цветами... Белые зонтики, неприхотливые подзаборные красавицы, возлюбленные пчёл... Их можно встретить везде вплоть до Соловков, они раскрывают свои кружевные зонтики ближе к Троице, у нас же они покрывают склоны и дают необыкновенную ноту морскому ветру... Сыть!.. Пока я ковыляю к дому, где скорбь, в голове стучат строчки: «...То ли роза, то ли сыть, то ли в позу, то ли плыть, плыть взахлёб житейским морем хором призвана сирен, что связали русла вен тугостью узла морского с легкой песней неземною». Конечно же, я прихожу вприпрыжку, через минуту мы выезжаем на Западное, дорога какая-то странная, заброшенная, старые тополя стоят, как часовые, вдоль дороги, везде бушуют розовые кусты и алые брызги маков. Маки везде... Кровавые пятна... Тут же, у последнего обетования, начинаем читать Ленины стихи, и сама собой созревает мысль, что необходимо делать книгу её стихов...

Этой идеей прониклись Евгений Михайлович Голубовский и Евгений Деменок, и вот к сороковинам уже создана маленькая очаровательная книжница с необыкновенными фотографиями Виктора Ратушного и с таким точным названием: «На расстоянии шёпота»...

Я читаю её стихи, и перед глазами возникают разные ситуации, в которых мы вместе оказывались.

Вот лет десять, а может, и пятнадцать тому, поздней осенью, мы возвращаемся из ОМК, и там, на Пушкинской и Троицкой, нас останавливает невероятный вид витрин, замызганных, но по которым прошёл лёгкий морозец. Лена останавливается и долго всматривается, так долго, что я оставляю её одну. И вот на странице 9 читаю:

Отражается в витрине
вереницей длинной, длинной
всё, что движется и мимо,
что летит и то, что зримо —
как забытое кино...

И дальше:

...И витрина примеряет
параллельные миры.
И тогда всё то, что мимо,
что движимо, недвижимо,
в омут призрачный украдкой
погрузится, как в астрал —
он увидит граней кладку
и разгул немых зеркал.

И тут же рядом, на странице 8, опять стихотворение, рождение которого мне довелось наблюдать...

Летним днём мы возвращаемся из Литмузея... Лену что-то явно мучает. Речь заходит

о мистике и христианстве, о множестве и единстве...

И если чья-то жизнь есть чей-то сон...

.....
И если параллельные миры
смеются, торжествуют и дробятся,
в них так легко ролями поменяться,
увидеть небо, падая с горы.
.....

И если два полёта, две строки
в неведении друг друга бесконечны,
во тьме разлук мятущиеся встречи
иссякнут, параллелям вопреки.

Состояние, когда можно «увидеть небо, па-

дая с горы», так органично для лирической героини её стихотворений... Она всегда пыталась отыскать неуловимые ощущения, которые сразу-то и не заметишь, как блики от игры драгоценного камня. «Оно (море) толкнуло меня к тебе на расстояние шёпота. Так близко мы никогда не были после» (стр. 61). Она сталкивает мощь вечности и стихии с хрупкостью и незащищённостью человеческих отношений, чтобы прийти к точной формуле женского доверия — «на расстоянии шёпота». А тут ещё одна из формул любви и доверия:

Просто — руку твою в своей,
Так, чтоб не было щелей сквозных,
Так, чтоб под ложечкой скрип утих,
Расщеплённый током ночей,
Обрывая последнюю нить,
Разрывая сцепление рук,
Я услышу колёс перестук
И зависну на станции «Жить».

Пронзительные строки о любви, разлуке, смерти, они интонацией мне напомнили стихи Вероники Тушновой, так же пронзительно умевшей говорить о «простых» женских чувствах...

«Постепенный уход от тебя равносильно продлению боли»... (стр. 104),
«...в поцелуе сложи отречения голод и вечную жажду поруки» (стр. 105) —

поэтесса стремится сконцентрировать ощущения, столкнуть слова, объединить понятия, дабы добиться чёткости и достоверности в отображении переживаемого момента..

Можно было бы говорить об удачах и просчётах, о поисках, но... отойти, разъединиться с парящим её образом пока невозможно, такое чувство, что она снова округлит губы и невинным детским голосом возразит: «А разве нельзя?» Снова воспоминания... Прошлым летом мы зашли в летнее кафе после «Зелёной лампы», и Олег Борушко, пытался разбирать Ленины стихи. Тут были тирады и о хоре, и о дактиле. Было очень умно, а Лена то раскрывала глаза, то вздыхала, и это было так по-детски игриво, так очаровательно, что не хотелось прерывать этот спектакль... Да, было в ней это игривое начало, умение превратить ситуацию в сценическую площадку, куда она мастерски всех нас привлекала... Вот на фото, там, на заброшенной площадке Зелёного театра в парке Шевченко, вдруг Лена засунула голову меж ветвей старой софоры и получился интересный кадр, а вот она на покинутом ботике «ЛЕНА», устремлённая в небеса.

Я чувствую себя осколком чаши,
что запахом и памятью жива.
И ветер спотыкается всё чаще
О землю, где давно росла трава.

Счастливого тебе полёта, Лена Миленти!

Памяти Лены Миленти

Ирина Беньковская

Не осталось в запасе
кукушечьих нежных ку-ку,
лето сбилось со следа.
Увели меня в лес умирать;
я сижу на суку
и дразню людоеда.
Упирается память;
не хочет со мною во тьму
ворох сбивчивых строчек.
Хлеб вчерашний крошится —
ненужный уже никому
Ариаднин клубочек.
Всё склевав без остатка,
хлопочет тяжёлым крылом
полуночная птица.
Как вам дома, родные,
за сытным вечерним столом —
поминальным — сидится?
Вот летит он, мой камешек,
маленький, словно слеза,
в людоедово темя.
Озирается, глупый.
Сейчас он поднимет глаза —
и окончится время.

Владислав Китик

...А из тайн, воссоздающих нас,
Только две вживляют в мир огромный:
Первый крик рожденья мы не помним
И не знаем свой последний час.

Как тебе в заоблачную высь
Подниматься, растворяясь в блеске?

...Не касайся ветром занавески.
Отлетай легко. Прощай. Не снись.

Там, в бесплотном царствии теней,
Есть покой? А боль там ощутима?
Там ли спрятан ключ непостижимо
Третьей тайны, что других важней?

Вечная, она невдалеке.
Мы в миру зовем ее любовью.
Ты не с ней ли там накоротке?
Будешь синей жилкой на виске,
Самородком гальки на песке,
Томиком стихов у изголовья?

Или струнной песней менестреля?
Как там: на неведомом пути?
...Отдохни и снова приходи
Сокровенной тайной колыбели.

Игорь Потоцкий

Она была бабочкой, русалкою, стрекозой,
не умела себя ценить и себя беречь.
Долго пробивалась к истине, самой простой,
при этом стараясь к поискам нас привлечь.

Ее большие глаза всегда источали тепло,
в них, казалось, никогда не проявится грусть.
О стихах она говорила: «Это — не ремесло,
строчки, как человечков, поранить боюсь...»

Она возникала, как молния, на бегу,
исчезала, как весной последний снег.
Мне до сих пор кажется:

она стоит на углу;
мне до сих пор слышится ее смех.

Больше ее не будет в жизни моей,
но я помню ее доверчивый полувздых:
— Видишь, как ангел, летает сосед-еврей,
слышишь, как жизнью клянётся
влюбленный дог?

Прости-прощай. И с замкнутых небес
мне напиши свое стихотворенье,
где волн паренье, ласточек смирение,
приятель-маг, холодный зимний лес.
— Кто ты?
Ответишь:
— Лена.
Солнца луч
лицо твоё вернет мне на мгновенье.
Как много снова набежало туч.
И снова мимолетное виденье,
а волн каскад по-прежнему певуч.

Влада Ильинская

СОЛНЫШКО

в карусели песочных
бесчисленных обещаний
время топчет печь и щекочет тебя клещами,
череду вращений смывает волна прощаний...
и опять качели в парке тебя качают...
и опять качели в парке тебя качают...
и опять тебе пять,
и опять тебе петь и длиться,
и синице в небе другая синица снится,
и смешались в неистовой пляске
машинки багги,
и невидимый кто-то
старательно фиксит баги...
вот еще бы кружок, и еще, и еще, и хватит...
...первый утренистый луч
заползает на край кровати
и на тоненькой ниточке
рвется воздушным змеем
я умею делать "солнышко".
я умею...

Александр БИРШТЕЙН Авчинниковский

По идее, этот переулочек вполне можно было бы назвать Еврейским.

Переулочек... Ха! Два ухабистых квартала. От Жуковского до Троицкой. Пять минут — и весь переулочек. Но... Без этого переулочка неполной была бы история Государства Израиль. Во как!

А также тут формировалась великая еврейская литература. Имена Хаим-Нахман Бялик, Владимир (Зеев) Жаботинский вам о чем-то говорят?

Да и русская... Ибо писатель Аркадий Львов, безусловно, знаковая фигура в истории советской, да и русской литературы. И Семен Липкин тоже... Кстати, можно говорить и о литературе Востока, ибо Липкин переводил — и прекрасно! — калмыцкий эпос "Джангар", киргизский "Манас", поэму "Лейла и Меджнун" Навои, "Шахнаме" Фирдоуси...

Мало?

А если еще я скажу, что знаменитый одесский КВН создавался именно в этом переулочке?

А если добавлю, что ростки невиданной благотворительности, посаженные еще в XIX веке, вззошли тут в наше время?

До революции тут процветала мелочная, а потом и оптовая торговля. Тут жили евреи. Довольно много евреев... И почти все они, оставшиеся в оккупации, погибли в октябре 1941 года. Их просто выгнали 23 октября 1941 года на идущий параллельно Александровский проспект, где немцы установили сотни виселицы, и убили... Реально уцелела лишь одна семья, всю войну просидевшая в подвале у соседей, выдавших себя за караимов...

А впервые о переулочке, носившем название Авчинниковский ряд, упоминается в 1799 году, потом в 1817 году переулочек именовался Грязным, в 1843 г. переулочек стал Авчинниковским и «держался» до 29.12.1929 года, когда стал переулочком Ярославского. Но недолго борец с религией, а заодно и уголовник, сидевший на каторге за грабежи, красовался на уличных табличках: в 1938 году название снова изменили, и переулочек с чего-то вдруг огреб имя Романа Роллана. В ноябре 1941 года переулочек опять стал Авчинниковским. Вот такая история у этого скромного переулочка, который с мая 1945 года носит имя разведчика Александра Нечипуренко.

Нечипуренко известен как храбрый разведчик, не терявший в самой сложной обстановке. Вместе с другими смельчаками он пробрался с радиостанцией на территорию, занятую фашистами, и оттуда корректировал артиллерийский огонь наших батарей. Во время следующего рейда Нечипуренко с двумя товарищами уничтожил вражескую минометную батарею, еще через день — пулеметное гнездо, десять румян и немцев. Находясь в одиночной ночной разведке, Нечипуренко напал на противотанковую батарею фашистов. Забросав ее гранатами, он уничтожил несколько человек из прислуги, остальные бежали. Разведчик запряг лошадей в противотанковую пушку, забрал зарядные ящики и помычался к своей части. Пушка оказалась исправной, в зарядных ящиках нашли 70 снарядов и 200 бронебойных винтовочных патронов. А.А. Нечипуренко одним из первых защитников Одессы был награжден орденом Ленина.

Длинное вступление. Да? А это я вам еще про Авчинникова не рассказал. Вернее, Авчинниковых. Это было большое купеческое семейство, игравшее огромную роль в жизни города. И.И. Авчинников был городским головой в 1827 — 1830 гг. Это вам не фальсификатор Ярославский.

Начинался переулочек от улицы Жуковского, тогда Почтовой. Дело в том, что одесская почта начиналась именно тут, на месте здания, в котором сейчас начальная школа № 119.

Боковой фасад выходит в переулочек. Поэтому № 1 по Авчинниковскому переулочку расположен довольно далеко от угла. Ничего интересного я вам об этом доме рассказать не могу. Что поделаешь...

В доме № 2 жил великий мастер степа Эмиль Глед.

Эмиль Глед явился прототипом главного героя фильма Карена Шахназарова «Зимний вечер в Гаграх». Исполнитель главной роли в этом фильме Евгений Евстигнеев специально приехал в Одессу, чтоб повидаться с Эмилем Давидовичем. Обнимая его, Евгений Евстигнеев сказал: «О, так я еще живой!» (Если вы помните, главный герой в конце фильма умирает.)

В 2000 году в Одессе открылся первый джаз-карнавал. Естественно, открывал его у памятника своему другу Леониду Осипови-

чу Утесову Эмиль Глед. А последнее его сольное выступление состоялось на вечере, посвященном его девятидесятилетию юбилею!

Дом № 3 построен в 1838 году архитектором Г.И. Торичелли. Тут был доходный дом Авчинникова, а после революции заселился профсоюз грузчиков. Неинтересно. Да?

Но о доме № 3 хочется поговорить особо. Там долгое время размещался "Хесед" — благотворительное еврейское общество. Наверное, не надо говорить, каким счастьем для стариков и старух было ежемесячно в тяжкие 90-е годы и в начале 2000-х получать увесистые продуктовые посылки, лекарства, бесплатные билеты в театры, медицинское оборудование... Смешанные чувства испытывал я, проходя мимо подвала, где выдавались посылки, и видя в очереди хорошо знакомую мне семью антисемитов. Одному я даже морду бил как-то за антисемитские высказывания.

— Не стыдно? — спросил я, заведя его в очереди за посылкой.

— У меня бабушка еврейка! — гордо ответил он. — Могу справку показать.

Тварь...

Извините...

Зато в доме 4, который мы видели рядом с № 2, находился Немецкий клуб, превратившийся в спортивное общество «Местран» имени Юдиловича. Да-да, биндюжники тоже были местрановцами. («Местран» — местный транспорт.) А с «Местрана» начинался футбол в Одессе. Представляете, ежели б знаменитый Мендель Крик, слышавший среди биндюжников грубияном, играл в футбол, то был бы местрановцем и носил сюда взносы. И знаменитый, самый известный в истории одесский футболист Злочевский играл в «Местран»! И корни «Черноморца» — оттуда...

В доме 7 жила г-жа Калика с матерью. Именно они прожили всю войну в подвале, скрываясь от фашистов.

Одесситка Люся Калика, ее сестра Рива, мама Жена и две тети соседней Кантарович вышли из тайного подвала своей квартиры 10 апреля 1944 года.

...За много месяцев до этого (а точнее — 12 января 1942 года) они спрятались в подвале в надежде, что через неделю-две партизаны отобьют Одессу у фашистов. Но освобождение пришло лишь спустя 820 дней. Их скрывали соседи, поселившиеся недавно и выдавшие себя за караимов. Люся Калика, названная одесской Анной Франк (у них общее возраст, ведение дневника, то, что скрывались от фашистов, национальность), умерла в Израиле в феврале 2015 года...

«...Общий выход для нас и соседей — на Авчинниковский пер., 7, и выход на Александровский проспект, 15 — также для нас и для них. Судьба так распорядилась, что наши соседи перебрались на свою половину в самом начале войны. Если бы не они, никто не смог бы помочь нам выжить в подполье. Это были умные энергичные девушки лет 30-ти с матерью. Мать Марьям лет 70-ти, Ольга и Елена в первые же минуты оккупации немедленно выправили себе документы. Жена их брата — русская, архитектор — очень умело исправила паспорта. Так они — типичные евреи — стали караимами...» (Люся Калика).

В доме № 8 жил до самого отъезда в Москву писатель и поэт Семен Липкин. В списке квартирантов от 8 янв. 1918 г., хранящемся в областном архиве, по Авчинниковскому пер., 8, кв. 6 значится «Липкин Израиль Ицкович, раснянский меш., мужская портняжная мастерская, 1-й эт., 2 ком.».

Разбит наш город на две части,
На Дерибасовской патруль,
Дуварджогу пахнут сласти,
И нервничают обе власти.
Мне восемь лет. Горит июль.
Еще прекрасен этот город,
И нежно светится собор,
Но будет холод, будет голод,
И ангелам наперекор
Мир детства будет перемолот.

«Семен Липкин был младшим современником Багрицкого, Бабеля, Катаева, Славина, то есть плеяды одесских писателей, вступивших в литературу еще во втором десятилетии XX века. А когда из Одессы в 1929 году он по совету Багрицкого переехал в Москву, судьба даровала ему знакомство с Осипом Мандельштамом, Георгием Шенгели, Марией Петровых. Впрочем, поэта издательства не баловали, боевые заслуги и несомненный поэтический дар в учет издательствами не брались. Приходилось заниматься в основном переводами. Первая книга Семена Липкина («Очевидец») вышла в «Советском писателе», когда автору было уже едва ли не шестьдесят. Масла в огонь подлили его участие в скандальном

Ростислав Александров:

«Многолетняя многогранная и благородная деятельность одесского Палестинского комитета завершилась отправкой 620 беженцев из полыхающей пожаром гражданской войны и кровотокающей погромами страны на древнюю землю предков. На пароходе «Руслан» они уехали из занятой войсками генерала Деникина Одессы в Яффу в декабре 1919 года, а через два месяца в город вступили красноармейские части. И опять наши истории Авчинниковского переулочка вплотную подошли к той черте, за которой долгие десятилетия считались крамольными и были отнесены в область потаенных воспоминаний имени Пинскера, Бялика, Жаботинского, Усышкина, Дизенгофа...».

Кстати, помимо Палестинского комитета Дизенгофа связывала с домом № 12 еще одно — главное! — дело в жизни. Ибо Тель-Авив — да-да, Тель-Авив! — начинался в Одессе, в доме № 12 по Авчинниковскому переулочку, где в 1904 году Дизенгоф открыл «Фирмово-командитное товарищество «Геула», которое занималось выкупом из частных рук земельных участков в Палестине с целью передачи их будущему еврейскому государству. И когда Дизенгоф воевал приехавшего в Палестину своего давнего одесского приятеля В. Жаботинского по уже выкупленным, но еще не застроенным землям на окраине Яффы, наверное, не думал, что впоследствии выросший здесь его стараниями город на время станет первой столицей Израиля...

Ростислав Александров:

«Дизенгоф вообще был человеком многообразной «биографии с географией» — родился в местечке Акимовичи близ городка Оргеев в Бессарабии, экзамены на аттестат зрелости сдавал в Кишиневе, воинскую повинность отбывал в Житомире, по делу партии «Народная воля» сидел в тюрьме в Одессе, образование инженера-технолога получил в Париже, стекольной фабрикой руководил в Палестине, участвовал в работе Сионистских конгрессов в Базеле, организовывал помощь евреям-беженцам в Дамаске и основал еврейский квартал Ахузат-Баит около Яффы, который с годами превратился в город Тель-Авив, где он состоял первым и многолетним мэром».

Кроме того, в этом доме родился знаменитый скрипач Мильштейн.

В доме № 13 помещалась торговая компания Бродского.

И снова рассказывает Ростислав Александров:

«...Родоначалником старинной и заслуженной семьи (Бродских, — **А. Б.**) считают происходившего из рода известных раввинов Меира Шора, который еще в начале XIX столетия переехал из галицийского города Броды в местечко Златополь, что в Киевской губернии, где, подобно многим своим землякам, принял фамилию Бродский. Один из пяти сыновей Меира Бродского — Израиль — стал основателем всероссийской известности династии «сахарных королей»... Другой сын старшего Меира, сорокадвулетний петербургский 1-й гильдии купец Абрам Бродский, в 1858 году поселился в Одессе, где издавна жили земляки его отца — галицийские, или,

как их называли, бродские евреи. Они образовали здесь большую богатую общину и построили синагогу в самом центре города, на углу Почтовой и Итальянской улиц, как тогда именовались нынешние Жуковского и Пушкинская. Абрам Бродский быстро и органично вписался в колоритную жизнь Одессы, удостоился звания почетного гражданина Одессы, был гласным, сиречь депутатом городской думы и членом городской управы, жертвовал крупные суммы на развитие Еврейской больницы и нужды народного образования... Словом, в Одессе Бродский, что называется, нашел себя, а Одесса нашла себе Бродского. И когда Абрам Маркович со своей красавицей женой Розалией Артуровной появлялся на тогда еще тенистых аллеях Городского сада или на дышащем вечерней прохладой Приморском бульваре, вся гуляющая публика уважительно смотрела им вслед — «Бродский!».

Бродский был не меньшим благотворителем, чем Маразли и графы Толстые, но несколько более специфическим. Львиную долю пожертвованных им средств он предназначал еврейским организациям. Так, в частности, им был открыт еврейский сиротский дом. Конечно, открытие еврейского сиротского дома в Одессе было великим делом, но, к сожалению, полностью проблемы не решило, поскольку оставалось еще немало детей, которые, не будучи сиротами, пребывали в крайне тяжелом положении. Посему и было в 1899 году учреждено Общество попечения о бедных и бесприютных еврейских детях. «А доктор Абрам Осипович Гершензон стал председателем правления нового Общества, в котором были люди разных сословий, рода занятий, общественного и имущественного положения, но одинаковой щедрости и благородства души. Среди них была и Фанни Соломоновна Шпенцер — жена преуспевающего владельца крупной типографии Моисея Шпенцера, мать поэтессы Веры Инбер и родная тетка ученика одесского реального училища, а потом заключенного одесского же тюремного замка Льва Бронштейна. Этого племянника мадам Шпенцер, наверное, можно было и не вспоминать, если бы он под фамилией своего тюремного надзирателя Троцкого изрядно не поучаствовал в раздувании того пожара, который, к его вящему неудовольствию, не разгорелся в мировом масштабе, но успел уничтожить многое из того, что было достойно лучшей участи в стране, в Одессе и в Авчинниковском переулке...» (Р. Александров).

И, наконец, в доме 14 жил и творил Аркадий Львов. Он был автором уже нескольких книжек, но считался неблагодарным. Единственная работа, которую он смог получить, была работа преподавателя ручного труда в нашей школе № 39. А ведь в те годы создавался его знаменитый роман «Двор».

«...Я отчетливо помню, как возле метро «Аэропорт» я сказал Константину Симонову, человеку, который очень много для меня сделал, что хочу написать роман о жизни простых людей. Но вот название не могу придумать — «Мой двор», «Твой двор»... Он остановился (естественно, привлёк внимание множества людей — его узнавали) и так, слегка грацируя: «Какой «мой двор», «ваш двор»? «Двор»? Просто «Двор»? Огромный, как вся империя»...

Да, забыл сказать, что № 14 — это знаменитый в Одессе дом Котляревского. Там в большом количестве обитали одесские биндюжники.

Аркадий Львов вспоминает: «Среди этих биндюжников был такой Шломо Баренгауз. Мне было 6 лет, когда он посадил меня на свою подводку и повез в порт. Меня поразило, что со своими лошадьми он разговаривал на идиш. Я спросил: «Дядя Баренгауз, а они что, не понимают русского языка?» — «О, если бы ты знал русский язык, как они, то ты был бы второй Карл Маркс. Но второго Карла Маркса быть не может».

Кроме того, в этом доме жил В. Крапива, один из создателей одесского КВН. Именно в его квартире и начался одесский КВН.

Вот как это вспоминает сам Валя Крапива. «...Нас было пять человек. Сидели у меня дома, в Авчинниковском переулке, 14, писали приветствие. И вдруг поняли: для полного счастья нам не хватает аккомпаниатора. А тут наш капитан, Миша Малеев, говорит: «Я был на КВН в одной проектной организации, там один парень играл на гитаре. Он живет здесь, в доме № 12, зовут Валера». Пошли в соседний двор, нашли Валеру: «Саккомпанируешь?» — «О чем речь!» Это оказался Хаит».

Вот такой переулочек. Один из многих в Одессе. Невзрачный, не очень красивый. Но город — это не только красивые дома, это — люди, которые тут жили и... живут. Я не очень уверен, что о многих и многих жителях города потомки напишут хоть что-то хорошее. Так, по крайней мере, вспомним тех, кто создавал дух этого города. Дух, который не удастся истребить всякого рода проходившим, временно оказавшимся при капиталах и власти.

Владик МИЧЕЛИН

Адвокат дьявола

В современном английском языке это словосочетание употребляется достаточно часто. Ни к юриспруденции, ни к религиозным воззрениям сегодня оно уже никакого отношения не имеет. Но если кого-то заинтересует происхождение этого термина, то ноги растут от официальной должности в Католической Церкви, в которой один из служителей назывался *Advocatus Diaboli* и выступал против канонизации (святости) одного из рассматриваемых кандидатов, для того чтобы выявить какие-либо недостатки характера или «искажение свидетельств в пользу канонизации».

Сегодня «адвокат дьявола» — это кто-то, кто, выслушав какой-то аргумент или столкнувшись с определенной ситуацией, занимает альтернативную позицию, иногда ради дискуссии, а иногда, как, скажем, во времена кухонной философии СССР конца XX века или дня сегодняшнего — не среднестатистического жителя Украины, для дальнейшего изучения полета свободной мысли. Мол, «ехать или не ехать», к примеру...

В общем, какой-то человек берется играть роль адвоката дьявола и стремится вовлечь других в процесс обсуждения спорного факта или явления. Цель такого процесса, как правило, это проверка качества исходного аргумента и выявление слабых мест. Зачем? Чтобы, найдя недостатки в процессе обсуждения, либо улучшить то, о чем идет речь, либо вообще отказаться от одного.

Обсудим? Тогда — к деталям. Я ухал в те годы, когда, как говорил уважаемый тогда в Одессе Станислав Говорухин, не уезжают только идиоты или труссы. Не хотелось считать себя ни тем, ни другим... Уехал. Прожил в Америке четверть века, время от времени возвращаясь в Одессу, к прошлому, к памяти, к друзьям... Не скрою. Поначалу я им завидовал. Мне приходилось «пахать» на новом месте жительства, заново выстраивая всё: привычки, вкусы, круги общения, традиции. А им — моим друзьям — было «интересно» жить, как они мне рассказывали. Да, было голодно и сложно, но впереди маячило какое-то будущее — с новыми бизнесами, с открывшейся вдруг возможностью говорить все, что думаешь.

Шли годы... Я стал замечать: стал как-то тушеваться этот их интерес. Уже не волновало никого появление в газете разоблачительной и разгромной статьи об очередном взяточнике; уже стало привычным то, что за открытие бизнеса — или за его «крышевание» — надо платить; уже и купленный — бог знает, за какие деньги — «Мерседес-500» не то что не радовал, а как-то даже и кровь не горячил... Даже соседскую.

Появились «олигархи». Их ненавидели, но воспринимали как нечто само собой разумеющееся. И прощали. Ну, есть — и есть. Бомжи копаются в мусорных ящиках, на каждом перекрестке бабушки и искаленные люди просят милостыню, в трамваях собирают средства на лечение детей!

А кафе и рестораны полны. Вот вопрос, на который я никак не могу найти ответа. Откуда у всех этих людей деньги?

Мне объясняют — «7-й километр» кормит. Всех? Весь миллион жителей?

Как грибы, на месте ностальгических бывших санаториев, где сушил бороду старик Хоттабыч, тянутся к небу странные многоэтажки. Почему странные? Во-первых, непонятен их стиль. Этокое смешение постсоветского модерна с псевдоосманскими башенками и «сталинскими» балконами. Такое себе нечто «шикарное»! Ладно, я не архитектор, не мне судить, но я же могу сравнивать с тем, что видел, поездив по миру! Во-вторых, качество этого строительства! Нигде я не видел такого! Мало того, что тебе продают пустую бетонную коробку за немислимые деньги, ты еще должен почти столько же вложить в то, чтобы из нее сделать жилье! При этом тебя будут всячески душить, подсовывая какие-то некачественные «китайско-польско-турецкие» материалы. Кстати, я заметил, что китайские товары, сделанные для западного мира, разительным образом отличаются от их собратьев, продающихся здесь. И, похоже, всех это устраивает.

В общем, тебя «имеют за лоха». И на этом я бы хотел остановиться особо. Такое впечатление, что то, что тебя «поимели» — причина гордости для «поимевшего». Ни стыда, ни желания исправить... Позволю себе маленькое «рыбное» отступление. В ресторане «Катран», где 100-граммовая порция заказанной рыбки стоила в меню 98 (!) гривен, нам принесли счет, где та же порция уже стоила 120 (!!!). На вопрос о несоответствии администратор, не задумываясь, заявила, что цены в меню старые, поменять не успели. Чтобы не раздувать конфликт, я нашел компромисс —

попросил скидочную карточку этого ресторана, за которой мне было предложено прийти через неделю. Что ж, через неделю с приятелем мы, действительно получив злополучную карточку, уже заказывали точно ту же рыбку, удостоверившись изначально, что цена в меню соответствует действительности, и предвкушая 10-процентную скидку. Принесли счет. Без скидок. Как?! На мой вопрос я получаю ответ: «На рыбные продукты скидка не распространяется». В рыбном ресторане? Не распространяется?! Почему?!

Главное, чему меня научила Америка — на грозное: «Не положено! Нельзя!» — я всегда могу задать вопрос «Почему?» И будьте уверены: я получу ответ на свой вопрос.

Да, там та же бюрократия, да — там те же проволочки и ухищрения клерков, отсиживающих зады с 9-ти до 5-ти, да — система везде система. Но ответ на свой вопрос я получаю. И хотите — верьте, хотите — нет: передо мной обязательно извинятся!

Здесь же я только увидел в ответ ухмыляющееся лицо девушки-администратора и ненавидящее лицо усталой официантки.

«Поимели» лоха. И плевать им, что я туда больше ни ногой, что моих друзей им не видать, как своих ушей. Подумаешь! Других лохов найдут. Вон полон город невзыскательных туристов, рванувших к нечистому морю и грязному, зато бесплатному песку.

Да, впрочем, и не только туристов. Кто эти люди, гуляющие по Дерibasовской, гордо называющие себя «одэситами»? Мой старый приятель, ставший сейчас знаменитым писателем, подарил мне свою книжку с надписью «Спасибо, что уехал. Иначе ты бы писал, а я бы читал». Вот так-то.

Но я вернулся. Зачем, почему — это уже, как говорят в Америке, вопрос «personal». Одно могу сказать: совсем не одессит Карл Маркс (да-да, тот самый бородастый и волосатый немецкий философ, о существовании которого сегодня школьники и не подозревают) был прав — бытие таки определяет сознание.

Пожив там 25 лет, я понял: был прав, когда думал, что цвет кожи, национальность, принадлежность к иной сексуальной ориентации — на отношение к человеку, к тому, что он собою представляет, как личность или профессионал, не влияют.

Пожив год здесь, я услышал, что евреи (как и прежде) во всем виноваты, хотя их уже по пальцам пересчитать можно, что «гомосетины» нам не нужна, тут, слава богу, не «гейропа», а «чурики» и «звери» должны убираться к себе домой, хоть в Грузию, хоть в Турцию, хоть в Сирию.

Пожив 25 лет там, я узнал, что «престиж» — это слово «советское», и даже если ты, обладая дипломом адвоката или врача, работаешь официантом или таксистом, чтобы прокормить себя и семью, это не зазорно. И работу свою официантскую/таксистскую ты все равно должен делать хорошо, иначе ни денег, ни тем более — чаевых тебе не видать.

Пожив год здесь, я увидел, что официанту (в большинстве, увы, случаев) начать на то, что ты ешь или пьешь и он понятия не имеет, как это готовится, а чаевые ты ему и так дашь, а таксист, он же служитель культа Сервиса, повезет тебя, конечно, куда тебе нужно — за твои, естественно, деньги, но — как в старом анекдоте — удовольствия от этого он, конечно, не получит.

Пожив 25 лет там, я узнал, что, если, мне, извините, приспичило, то я могу зайти в лю-

бое кафе, ресторан, офис, наконец, и спросить: «А где тут туалет?» И мне с улыбкой покажут: туда-то или сюда-то. И я зайду в чистый, пахнущий лимонно-банановой (как у Вертинского, да?) эссенцией туалет, где в достаточных количествах будет хватать и бумажных полотенец, и мягкой, пахнущей пудрой туалетной бумаги, и мыла, и т. д., и т. п.

Пожив год здесь, я понял, что 1) доллар подорожал, поэтому платный туалет теперь от 3,50 до 5 грн. (в зависимости от места возникновения нужды);

2) даже если он платный — все равно (процентов на 90) вонищий, и, переступая через напольные водные преграды, ты можешь, поскользнувшись, не доплыть до толчка;

3) если туалет не платный — туда лучше не заходить вообще: можно умереть от удушья;

4) что участники ВОВ и дети до 3 лет могут-таки бесплатно посетить туалет, но только при предъявлении удостоверения.

Да, Одесса — уже не Одесса. Так, остаток вываленных на свалку и гниющих декораций, оставшихся после съемок фильма о той, знаменитой в прошлом, Молдаванке. Ухабистый, в рывтиках, сквозь которые видна 100-летняя брусчатка, центр... Падающие на головы балконы и деревья. Изуродованный Французский бульвар. Отвратительная, никакая, потерявшая свое лицо Аркадия с убойным грохотом ресторанных оркестров с полуночи до утра. Не могу понять — как же вблизи люди живут? Спать невозможно! Их это устраивает?

Справедливости ради, нужно сказать, что еще есть пронзительно красивый бульвар с Оперным, несколько улиц, к нему прилегающих, где реставраторы что-то как-то из имеющихся материалов... И всё. Правда, сейчас к бульвару добавляют что-то турецкое... Какое это имеет отношение к Одессе — никто не знает. Зато — на «шару».

Буквально еще два слова о рекламе. Как говорили в моем студенческом прошлом: «Клава, я балдею».

Например, в той же Аркадии — надпись на окне строящегося заведения: «Опэнинг сун». Перевожу на английский — «Opening soon». Теперь ответьте, на кого рассчитано? На тех, кто говорит по-английски? Тогда почему порусски? На тех, кто ни бум-бум в английском? Тогда... ой, мама.

Или — реклама «Сильпо»: TRUEЯЙЦА. Хм... А вот шедевр — «BURO OCENKI».

Плюс — еще одно. Есть такое понятие на Западе — false advertising. То есть, если вы обманули в своей рекламе, вас за это могут судить, и на весьма немалые суммы.

Столкнувшись с местными риэлторами, при поисках квартиры на съем, я пытался им это объяснить, но куда там.

— Этой квартиры за 3 тысячи гривен уже нет, она снята, но есть другая за пять.

— Но вы же рекламировали эту, за 3...

— Мало ли, что я рекламирую.

— А скажите, а во-он в том доме квартиру снять можно?

— В том? Что вы... Там люди живут.

...Ничего нового я не сказал. Все это знают, все это видят. Вопрос в другом: почему всех всё устраивает?

Может, дело в возрасте. Мы с годами становимся брюзгами, не желающими признавать ничего нового, интересного. А потом уже и лень чем-то заниматься.

А может, и впрямь время от времени нужно разбудить в себе адвоката дьявола. И восстать. Вот только вопрос. Против кого? Ведь против себя — ой, как не хочется.

Алексей ГЛАДКОВ

Жора с Малой Арнаутской

Посвящается моей бабушке Шура

Мой брат Жора был старше меня на 4 года. Жора — Георгий по паспорту. В Одессе особое отношение к именам. Имя должно быть как можно мягче и ласковее. «Жора» произносится очень мягко, через «ё» вместо «о». Меня, Александр, всегда называли Шурой: очень мягко, почти через «ю». Нашу маму Марию — Муней или Мусей. Даже непонятное и смешное для других имя Додик — это не что иное, как производное от Дмитрия. Ласково Додика называют Додя. В этом есть что-то особенное, доброе, нежное, присущее только Одессе.

Жорка был настоящим старшим братом! Высокий и худой, он обладал весёлым нравом и отменным боевым духом. Водил компанию с такими же разбитыми мальчишками, как и сам. Сегодня я бы их назвала хулиганами. Но тогда для меня это были обычные мальчишки, друзья моего старшего брата.

И на улице, и в школе Жору уважали. Кроме того, все знали, что Жора — мой старший брат. Поэтому у ребят ко мне было особое отношение.

— Стой! Это Шура — Жоркина сестра! — кричал кто-то из мальчишек, когда я зимой выходила из школы, а мальчишки стояли со снежками, чтобы закидать ими девочек.

Меня пропускали. Другим же приходилось прятать лица в воротники и закрываться от снежного обстрела руками. А я, гордо подняв голову, всегда выходила спокойно. Я точно знала: меня — не тронут! Или пусть только попробуют!

В юности Жора попал в какую-то историю и потерял два пальца на правой руке: мизинец и безымянный. Он всегда рассказывал, что попал под трамвай. Что произошло на самом деле — осталось загадкой.

Оккупацию мы с Жорой пережили в Одессе. Меня из дома одну не выпускали. Жорка был постарше и мальчишка — как его удержишь? Поэтому ему было позволено в светлое время ходить, где угодно. Он бегал на море, лазил в катакомбы и вообще пропадал целый день неизвестно где.

После оккупации вернулась мама. Это был самый радостный день в наших детских воспоминаниях.

— Шурка! — закричал кто-то из мальчишек от ворот через весь двор. — Зови Жорку! Там ваша мама идёт!

Я замерла. Из дверей нашей квартиры выбежал Жора и тоже замер. Мы стояли окаменевшие и смотрели в сторону ворот. Через мгновение в воротах появилась мама. Она поставила на землю чемодан и бросилась к нам. Мы побежали ей навстречу.

Жорка добегал до мамы первый и крепко обнял её. Так что, когда добегала я, мне пришлось втискиваться между ними. Мама подхватила меня на руки и прижала. Жора обнял нас обеих.

— Родные мои. Как вы тут? Роденькие. Как же я за вами соскучилась.

И мама нас целовала в лицо, в руки, в шею. Куда попадётся. Целовала и изо всех сил прижимала к себе. Хотелось ещё! Ещё! Чтобы мама не останавливалась и продолжала нас обнимать и целовать. Хотелось, чтобы это не заканчивалось. И оно продолжалось целую вечность!

Потом Жора забрал мамини вещи, занёс домой. Первые дни мы от мамы не отходили. Она от нас — тоже. А по вечерам после ужина мы зажигали свечи и пили чай. Мама рассказывала нам, как они уходили на последнем корабле из Одессы в 1941-м, как за ними шёл тральщик и минировал акваторию порта, как их обстреливали немецкие самолёты в море, как она попала в госпиталь, как погиб наш отчим. Эти вечера навсегда останутся в моей памяти.

Дальше жизнь потекла своим чередом. Мама устроилась на работу и приходила домой поздно. Жорка тоже где-то целый день пропадавал. Старался придти домой до того, как вернётся мама, но у него это не всегда получалось. Тогда мама его ругала, но никогда не трогала. После войны в Одессе было опасно и по вечерам ходить было нельзя. Поэтому все переживали и за маму, и за Жору. Но у ма-

мы по-другому не получалось, и однажды с ней произошла история, которая прояснила некоторые моменты тёмной стороны уличной жизни нашего Жоры.

Дело было перед Новым годом. Зима выдалась снежная, и погоды стояли холодные. Уличное освещение ещё восстановить не успели, поэтому улицы были тёмные. Около 9 часов вечера мама возвращалась с работы.

— Мадам, — из подворотни выдвинулась тёмная фигура и перегородила дорогу, — добрый вечер.

От неожиданности мама вздрогнула и на секунду остановилась. Из подворотни выдвинулись ещё две тени. Мама всё поняла: её грабят.

— Мадам, мы Вам говорим «добрый вечер», — настойчиво произнесла фигура.

— Добрый вечер, — ответила мама.

— Мадам, на Вас такая красивая шубка.

На маме было пальто с меховым воротником.

— Нам она очень нравится.

— Ребята, не нужно. Пропустите.

Она попыталась пройти сквозь их ряды, но не смогла.

— Мадам, давайте без паники. Никому сейчас здесь не нужен скандал. Снимите шубку, и мы Вас пропустим.

Мама поняла, что сама с ними не справится, и умоляющим голосом произнесла:

— Ребята, мальчики. Не нужно. У вас ведь тоже матери есть. И у меня сын. И дочь. Отпустите. Миленькие. Я тут рядом, на этой же улице живу. В 25-м номере.

Один из грабителей, стоявший позади, выдвинулся вперёд и внимательно стал всматриваться в мамино лицо. Мама застыла на месте.

— Ребята, это же мама Жоры с Малой Арнаутской, — хрипло, с удивлением сказал он.

Грабители переглянулись, замешкались. Потом главный сделал шаг назад, отодвигая своих «побратимов», и произнёс:

— Мадам, простите. Конфуз получился. Проксидите.

С секунду подумав, он взял маму под руку и добавил:

— Давайте мы Вас проводим до дому. А то нынче время беспокойное, кто-то обидеть может.

Они молча проводили её до наших ворот, вежливо попрощались и растворились в темноте улицы.

Войдя домой, мама нервно сняла пальто, прошла на кухню, зачерпнула из ведра ледяной воды и махом выпила.

— Мунечка, ты чего? — заметила мамино волнение бабушка.

— Ничего! — резко оборвала мама. — Жора с Малой Арнаутской! Мерзавец!

Через 5 минут на свою беду домой пришёл Жорка. Ничего не подозревая, он бодро вошёл в кухню и весело спросил:

— Ну? Что у нас на ужин?

— Ужинать тебе захотелось? — процедила сквозь зубы мама. — Сейчас тебе будет ужин! И обед! И завтрак с полдником...

— Ма-а-а... — с опаской произнёс Жора, уже понявший, что сейчас с ним будут что-то делать. И это «что-то» совсем ему не понравится.

— Жора с Малой Арнаутской... — с какой-то перепедаваемой яростью, но очень тихо и отчётливо прошипела мама, снимая с крючка полотенце и макая его по дороге в ведро. — Паразит!

И со всего размаху она вlepила мокрым полотенцем Жорке по морде.

— Гад! Негодяй!

Мама стала лупить Жорку. Он не сопротивлялся и стоически принимал удары, только машинально защищаясь и уворачиваясь от ударов.

— Где ты по вечерам шляешься, Жора с Малой Арнаутской?! А?! Гад! Мерзавец!

И снова — ляпс! Ляпс! Ляпс! По лицу, по шее, по спине, по заднице. Жорка извивался, как уж. Ростом он уже был выше мамы, но всё ещё был неуклюж. Поэтому его выкрутасы напоминали танец деревянной куклы на ниточках.

— Ма! Перестань! Ай! Ой-ой-ой! Оно же мочное! Ма! Не на... до! Ай! — вопил он.

— Я тебе покажу «Жорку с Малой Арнаут-

ской»! Ты у меня будешь под замком сидеть! Негодяй! Мерзавец!

В этот момент мне стало безумно жалко Жорку, и я бросилась со слезами к маме:

— Мамочка! Не надо! Перестань! Пожалуйста! Не трогай Жорку!

— Негодяй! Получай! Шура! Уйди! — взревела на меня мать и оттолкнула.

В углу кухни стояла бабушка и спокойно наблюдала за происходящим. И только когда Жора в своём диком танце толкнул стол, громко крикнула:

— Муня! Тарелки! Жора! Аккуратно!

В самый разгар экзекуции с трубкой в руке в кухню вошёл дедушка. Он внимательно посмотрел на происходящее и взглядом спросил у бабушки: «Что происходит?» Бабушка, уже державшая спасенную тарелку в руках, в ответ только пожала плечами. Потом констатировала:

— Лупит.

Дедушка опять взглядом спросил: «А за что?»

— Да чёрт её знает.

Еще с минуту дед наблюдал за этой сценой, спокойно потягивая трубку и выпуская струйки дыма. Потом положил её на стол и, когда мама в очередной раз замахнулась, ловко перехватил её руку и резко сказал:

— Хватит!

Мама оторопела. Посмотрела на деда, бабушку, Жорку и меня, села, закрыла лицо руками и заплакала. Жора с опаской приблизился к ней, присел на корточки у неё в ногах и попытался обнять:

— Ма. Ну не нужно. Не плачь. Пожалуйста.

— Уйди! Видеть тебя не могу!

— Жорик, иди в комнату, — сказал дед, поднимая Жору за плечи.

Потом похлопал его по спине и добавил:

— Иди пока. Сейчас разберёмся.

Жорка ушёл в комнату. Я тут же побежала за ним.

Мы сидели в комнате на нашей кровати. Жора был мокрый. На его лице виднелись следы от ударов. На шее наливались красным три параллельные полоски: видимо, мама не только полотенцем его достала, но еще и рукой.

— На, вытрись, — протянула я ему свой платок.

Жора не сразу отреагировал. Потом, как бы опомнившись, он взял мой платок и стал вытирать им лицо.

— Шура, ты не знаешь, что это на неё нашло?

— Не знаю. Она пришла уже какая-то нервная.

— Что же она узнала?... — задумчиво произнёс он и стал мять платок в руке.

— А что она могла узнать?

— А... Ничего. Не обращай внимания.

Он посмотрел на меня и стал вытирать моё лицо:

— Ха! Смотри, тебе тоже досталось, — улыбаясь, сказал он.

И тут я почувствовала, что моё лицо тоже мокрое, а одна щека зудит, очевидно, от полученного удара.

— Да. Точно, — сказала я, потирая щёку.

— А тебе-то за что? — почти смеясь, спросил Жора.

— А тебе? — иронично переспросила я.

— Ну, мне, наверное, есть за что. Даже не наверное, а совершенно точно есть! А вот тебя взрывной волной зацепило.

И он засмеялся. Я тоже стала смеяться. Но не потому, что мне было смешно, а потому, что смеялся он. И смех этот накачивал всё новыми и новыми волнами. Мы стали хохотать. И так нам было смешно и весело, что мы, обнявшись, завалились на кровать.

— Взрывной волной! Ха-ха-ха!

— А тебя — контузило! Ха-ха-ха! Полотенцем! Ха-ха-ха!

Мы катались по кровати и хохотали, пока в комнату не вошла мама.

— Нет, вы только посмотрите на них! Они ржут, как кони! Был бы повод! Так повода для радости нет! Жора!

Жора оттолкнул меня и сел на кровати, пытаясь сделать серьёзное лицо.

— Да, мама, — серьёзно сказал он и сжал губы в трубочку, чтобы не смеяться, но смех всё равно ещё пытался прорваться сквозь губы.

— Есть разговор! — строго сказала мама, и мы с Жоркой поняли, что разговор будет очень серьёзный. Смеяться сразу перехотелось.

Дед подошёл к кровати, поднял меня и вынес из комнаты. Мама плотно закрыла за ним дверь. Мы с бабушкой и дедушкой сели на кухне. Бабушка поставила на стол ужин. Дед закурил трубку. Разговора слышно не было, но из комнаты иногда доносились обрывки фраз то маминим, то Жоркиным голосом.

— ... ну мама!

— ... я сказала!

— ... а я всё равно...

— ... только посмей...

— ... просто друзья...

— ... бандиты!...

Потом дверь открылась, из комнаты вышла мама. Она обернулась и добавила:

— И только попробуй не быть дома в 8 вечера! Выгоню! В подворотне жить будешь! Как последняя дворняга! Мне в доме бандит не нужен! Ты меня понял?

— Да-а-а, — уныло протянул Жора.

Он сидел на нашей кровати, понурился головой. Его локти опирались на колени, кисти рук печально свисали. Глаза у Жоры были налиты слезами.

Спустя несколько лет, когда я уже училась в техникуме, мама рассказала, что с ней случилось зимой 1946 года в квартале от нашего дома.

Почему Жорку называли «Жора с Малой Арнаутской» — неизвестно. Ведь мы жили на Базарной. Возможно, Жора со своими друзьями промышлял на Малой Арнаутской, и мама об этом догадалась. Сам Жора об этом никогда не рассказывал.

Прошли годы. Уже и Жора женился, и я вышла замуж. Моя Лена уже была взрослая. Умерла наша мама. На похоронах мы вспоминали и маму, и бабушку с дедушкой, и как после оккупации мама вернулась. И вдруг Жора сказал:

— Шура, знаешь, а она ведь тогда мне жизнь спасла.

— Когда?

— Под Новый год 1946-го. Когда она меня лупила полотенцем. Помнишь?

— Конечно, помню! Забудешь такое! Это был вообще единственный раз, когда мама на нас руку подняла. А почему жизнь спасла?

— Она ведь тогда мне запретила поздно домой приходить. Ребята надо мной смеялись. А потом, когда Жуков в Одессе войну бандитам объявил, моих всех переловили. Кого во время облавы застрелили, кого потом в тюрьме зарезали. Все погибли. Все до единого.

И он прослезился.

— Жора...

— Что?

— Да так... Ничего... Мы теперь с тобой совсем сироты. Мама умерла. Теперь только ты и я.

— Ну, у нас есть ещё дети...

— Но теперь мы для них родители. А у нас родителей больше нет. Из нашей семьи только мы остались.

— Да. Это точно.

— Зато ты теперь самый старый в семье! — игриво заметила я.

— Так и ты уже не девочка.

— Ничего подобного! Я ещё молодая и красивая. А ты — самый старый.

Жорка засмеялся. Потом он зажал сигарету между средним и указательным пальцами покалеченной руки, глубоко затянулся и, глядя с высоты своего роста, прищурившись, сказал:

— Шурочка, ты у меня всегда будешь молодая и самая красивая!

Жора умер в 2011-м. Ему было 83 года. Теперь у меня остались только дети, внуки и правнуки. А я стала самой старой в моей семье. Но по-прежнему остаюсь молодой и красивой! И ко мне, как и прежде, особое отношение. У всех.

Наверное, мой Жорка до сих пор следит, чтобы меня не трогали. Но только теперь уже сверху. С небес. Мой старший брат Жорка — мой ангел-хранитель.

«Всемирные одесские новости» в сети Интернет:
www.odessitclub.org

Людмила ШАРГА

Солнечные зайчики

СТРАНИЧКИ ДНЕВНИКА

О причинах и следствии...

Пока я валялась на песке у самой воды и раздумывала, почему сегодняшний день сложился так, а не иначе, небо надо мной преобразилось самым чудесным образом. Расхотелось раздумывать.

Захотелось принять всё как есть, смореть, не отрываясь, на удивительные беглые облака, вспоминать Лема и любимый «Солярис» и потихоньку отращивать раковину, чтобы было, где быть.

Вчера ещё казалось, что панцирь лучше, надёжнее и прочнее.

Но сегодняшний день развеял напрасные сомнения — раковина и только раковина. Влажный утренний песок; опалесцирующее, говорящее о чём-то своём море; белая яхта под белым бермудским парусом; чёрный баклан, лениво покачивающийся на воде невдалеке от чёрного камня; отважный воробышек-пират у моих ног. Всё стало понятным и простым, закономерность выплыла на поверхность, и закон причины и следствия в образе мальчика, бросающего камни в воду, вступил в действие.

Остались сущие пустяки — прояснить, что есть причина, камешек или сам мальчик.

Круги, расходящиеся по воде, следствие, конечно же.

Камень, брошенный в воду, причина их появления.

Но есть ещё тот, кто бросил камень.

Мальчик, золотоглазый и медовокожий. Маленький Бог. Первопричина.

Возможно, он был Индрой, и этот игрушечный лук и стрелы на полотняной подстилке — синей, с белыми слониками — не случайны.

Возможно, он был Агни и потому кричит длинноногой молодой женщине, заплывшей далеко за буйки, в открытое море: «Ма... Майя! Мамочка... Майя!»

Возможно, он — Савитар, и каждый взмах его тонкой загорелой руки вызывает игру солнечных лучей, воздуха и воды.

Неожиданно он подбегает ко мне и протягивает гладкий белый камешек:

— Брось его!

Я пытаюсь отшутиться, но мне не по себе от недетского взгляда золотых глаз.

— Бросай. И прекрати отращивать раковину.

Поняв, что сопротивление бессмысленно, бросаю камешек. Он летит неожиданно долго, касается воды, но не тонет, а снова летит. Обычно, такие «блинчики» у меня не получаются.

Но я уже начинаю привыкать к тому, что сегодня всё необычно.

— Раз, два, три, четыре, пять...

Мальчик считает. На счёт «пять» камешек тонет.

Всё правильно. Было бы странно, если бы он утонул на какой-то другой цифре. Моё число — пять.

— Что теперь будет? — спрашиваю я.

— Теперь всё будет хорошо, — смеётся он и, убегая по влажной песчаной кромке, кричит: «Ма... Майя! Мамочка... Майя!»

До первой строки в новостях

Только что расплавленное струящееся серебро, бескрайнее и прекрасное, манило к себе и в себя, и вот уже тёмная глянцевая масса вздымает у позеленевшего старого пирса, бурлит, негодует и под косыми лучами солнца расслаивается, разделяется, и каждая часть, будто бы сама по себе, живёт, не смешиваясь с соседней. Буро-зелёная густая взвесь пенится у берега — водоросли, мелкие раковины, камешки и песок.

Дальше — слой цвета нежнейшей бирюзы, играющий всеми оттенками голубого и зелёного.

За ним — маслянистая тяжёлая субстанция, которая ничем не напоминает морскую воду.

Всё это оно — море.

Оно меняется быстро и неуловимо. Оно бывает разным и, мгновенно преображаясь, преобразует берег.

Сегодняшний утренний — весь в водорослях, усыпанных мелкими ракушками и разноцветными камешками.

Встречаются камешки побольше, и все они укрыты тиной.

Сесть бы на один из них, положить голову на руки и смотреть печально и долго на воду, как васнецовская Алёнушка.

А потом достать из потаённого кармашка гребень, распустить волосы и причёсы-

ваться, причёсываться, причёсываться, вспоминая все прежние имена и воплощения, и не удивиться, если кто окликнет: Лорелея или Ундина; и отозваться. Как звали несчастную гоголевскую панночку, утопленницу, ставшую русалкой? Забыла.

Кажется, у неё и вовсе имени не было. Тем лучше.

Безымянной безмолвной тенью скользнуть на дно морское и вынырнуть лет через сто, когда стихнут крики, иссякнет ненависть, воронки от мин и снарядов порастут травой и люди забудут о боли.

О прежней боли.

А новая ещё не напомнит о себе, не проснётся.

Какая-то часть меня упорно сопротивляется, не воспринимая действительность такой, как она есть.

Вроде бы получается.

До первой строки в новостях.

До первой сводки с фронта.

Спим наяву

Море выбросило к ногам бутылочное стеклышко-сердечко. Сколько таких сердечек находила я — и не сосчитать.

Так море отвечает на нелюбовь.

Человек, бросающий и бьющий бутылки, не думает о последствиях. Люди вообще редко думают о последствиях своих поступков. О том, что на осколок может наступить другой человек — такой же, как и он — и серьёзно пораниться. О том, что человек этот может быть совсем крошечным.

Сколько осколков унесли волны. Море забирает нашу острую кричащую нелюбовь с рваными краями, очень похожую на звериный оскал. Забирает и превращает в гладкие разноцветные стеклышки, чтобы потом вернуть их нам.

Иногда оно выбрасывает стеклышки в форме сердца. Так море пытается сказать о любви. Жаль только, что мы не слышим и не понимаем его признаний.

Слишком заняты собой, озлоблены или...

спим.

Спим наяву.

Море. Солнце. Солнечные зайцы на воде. Солнечная дорожка, по которой плыть так же волшебное и опасно, как и по лунной. Двое на пирсе. Смешная чайка, романтическая и любопытная. Завистливый голубь.

Чайка взлетает и из неуклюжей птицы с коротеньким, куцым телцем превращается в ту самую, белокрылую и вольную, чеховскую.

Что делает полёт с человеком. В смысле — с чайкой.

Шелковица

Лестница, усыпана ягодами шелковицы. Чёрные, розовые, белые...

Шелковица здесь растёт просто так — на склонах вдоль лестницы, на радость людям, вперемешку с альхой, жерделькой, яблоней. Никто за деревьями не смотрит. Солнышко пригрело, дождик полил — поспели ягоды и падают в траву и на ступени лестницы, под ноги людям, спешащим на море или с моря. Шелковица — мозаичное стеклышко моего детства.

Жаркое одесское лето: пыльные, пропахшие морем и асфальтом, «пятнистые» улочки; дребезг старого «пятенького» трамвая, идущего на круг у Староконного рынка; сине-чёрные пятна на асфальте, в тени, под раскидистой кроной старой шелковицы.

Сине-чёрными становились мои ладошки, и губы, и язык. И платье, конечно же. Платье.

Спелая шелковица — настоящее стихийное бедствие. Последствия сравнимы разве что с черникой — другой моей любимцей, северной, лесной. Шелковица — она другая. Вкус другой, аромат. Душа. Нежная, сочная, невесомая.

Помнится, в тени тутового дерева искал спасения библейский герой — Иона. В тени старой шелковицы ищут спасения птицы, коты и люди в моём дворе. Варенье из неё красиво — разве только вишнёвое может сравниться с ним. И вкусно. Правда — вкусно!

Вечерний дождь, невероятный — в полнеба — закат, от которого просыпаются чувство тревоги и ощущение холода внутри. Идёт война. И это только кажется, что она далеко.

Летние дни и вечера — словно мозаичные стеклышки. Есть яркие, радостные, а есть чёрные, и их с каждым днём становится всё больше и больше.

Арсений

Обычно дети на море орут, визжат, носятся, как угорелые. Ещё бы: колыбель, родная стихия — вода.

Этот малыш ведёт себя иначе. Он приходит с мамой часов в семь утра, трогает воду, подносит к лицу, что-то говорит. Воды совсем не боится, маленький «взрослый» человечек. Рассматривает камешки, песок, раковины. Берёт в ладошки, подносит к лицу и снова что-то говорит на своём, одному ему понятном языке.

— Всегда такой был, — вздыхает его мама, миниатюрная зеленоглазая девочка. А у малыша глаза — синь-бирюза.

— Всегда — это сколько?

— Три с половиной года. Так хочется, чтобы побегал, покричал немного, как другие детки. Нет. Только рассматривает всё: листики, траву, цветы, воду, песок и камешки, словно видит впервые. И говорит с ними.

— Это же хорошо, что говорит. Значит, он их понимает, слышит. Наверное, будет поэтом. Как зовут?

— Арсений.

— Ну вот, видите. Что ж вы хотели от ребёнка с таким именем?

— Не знаю. Что, есть поэт с таким именем?

— Есть. Арсений Тарковский. Не заставляйте сына быть, «как все», не надо. Успеется.

Ветер вернулся

Ветер проснулся. Разбудил утреннее море, поднял волну, взбил облака у самого горизонта — на востоке — в густую пену и умчался куда-то.

Волна смыла остатки киснувших зелёных водорослей, обнажила берег, и несколько пустых раковин рапаны и мидий на песке.

Створки раковины мидии похожи на сброшенные крылья. Поднимаю раковину и проваливаюсь по колено на маленькую отмели. Вчера был отлив, вот и образовалась эта зыбучая ловушка.

Проснулись чайки. Знакомая яхта под белым парусом вышла, наконец, в открытое море, туда, где на дальнем рейде спят и видят сны об океанах большие корабли, где грядя летучих облаков ждёт ветра.

Ветер вернулся, принёс настроение и желание писать, говорить, рассказывать.

После тишины внутри и снаружи, очень похожей на полный штиль, лишь изредка оживляемой тихими всплесками телефонных звонков и электронных писем, не терпится рассказать о воробьях, снующих над песком и поднимающих маленькие песчаные бури, о молодой и оттого не меру любопытной и общительной чайке Ларисе (да, именно так — Ларисе) и о том, что в городе цветёт софора японская и цвет её летит и лежит повсюду.

На мостовых и тротуарах, в троллейбусах и трамваях, на котах, растянувшихся безмятежно в тени на асфальте, на песке, и на воде — у самого берега, и на пёстром платке бабушки, торгующей мятой, и на пучках мяты — везде ароматные желтоватые мелкие цветки.

— Бери два пучка, — уговаривает бабушка, — тебе же на «мохиту»?

От неожиданности не знаю, что ответить.

— Всего лишь для мятного лимонада, — я обретаю, наконец, дар речи. — А вы и рецепт мохито знаете?

— Та какой там рецепт, — машет рукой бабушка, — мяту помыла, порезала, горькой залила — вот и вся мохита.

— И что потом со всем этим делать?

— На хлеб мазать, — не выдерживает бабуля. — Що ще з горькою можна робити?

Делаю лимонад, вспоминая «хэмингуэйскую» продвинутую старушку и улыбаясь. К мятно-лимонной прохладе примешивается аромат цветков софоры — аромат июльского солнечного дня.

Колесо Сансары

Утреннее море спокойно. Вода настолько прозрачна, что можно наблюдать за стайкой серебристых мальков, играющих в своей морской «песочнице» вокруг медузы — маленькой и нежной.

После ночного ливня — с грозой, с порывами ветра — странно видеть и ощущать эти леность, покой и умиротворение.

Несколько птичьих пёрышек покачиваются на поверхности. Стою, гадаю, какая пти-

ца их обронила. Или это знак — пора браться за дело, время не ждёт, но ждёт неоконченная повесть.

День сегодняшний складывается удачно и легко. Первая его половина — уж точно. Никуда не опаздываю, притом никуда не спешу. С самого раннего утра и до позднего вечера день мой состоит из глаголов действия. Проснуться, поздороваться с кошащей братией и орхидеями, накормить и напоить и тех, и других.

Кот и кошь чинно сидят в сторонке, ждут, когда же я проснусь, наконец. В кормушках остатки корма, воды достаточно — могли бы давно позавтракать. Но нет.

Первый завтрак — только после того, как я встану и выйду на кухню. Выхожу, и колесо Сансары, запущенное когда-то давно, ускоряет вращение. Просмотреть почту, ответить на несколько писем, сделать несколько глотков талой воды.

Разбудить, накормить завтраком, проводить, пожелать удачного дня. Сварить кофе. Не пропустить кофейный вдох. Сделать несколько глотков. Можно бежать дальше.

По дороге сфотографировать куст жасмина во дворе. Он хоть и ложный, и зовётся чубушником, но цветёт же, цветёт! Под ним полно опавших лепестков, и вечерами аура его цветения поднимается на четвёртый этаж, вплывает в мои открытые окна, и тонкий, чуть терпкий аромат, кружит голову и не даёт сосредоточиться на главном.

Впрочем, может быть, это и есть самое главное — цветение жасмина, а я бегу за чем-то второстепенным.

На прошлой неделе дня три бегала мимо распустившихся роз в скверике напротив нашего двора. Пока добралась до них с фотоаппаратом, три розы срезали. Мне досталась одна, правда, самая роскошная и гордая. Такая роза была у Маленького Принца, наверное.

В образовавшемся «окне» между забегами по добычанию хлеба насущного — море и только море. Сбежать вниз по лестнице — и прямо к воде, и целых полтора часа ничего и никого, кроме моря.

Заплыть далеко, лечь на воду и лежать долго, растворяясь, перетекая и вновь собираясь в единое целое, забыв о вращении, о бегах, о суете сует. Кровь оживает и обновляется.

Кровь донора и реципиента должна быть совместима — это из какого-то учебника или конспекта, не помню уже.

Человеческая кровь и морская вода не просто совместимы, они очень схожи по составу, и во времена второй мировой войны раненым переливали препарат морской воды для восполнения кровопотери (раствор АМ-4 Бабского). «Непрямое переливание» окончено.

Осталось уйти глубоко под воду, коснуться песчаного дна, открыть глаза на мгновение, увидеть, как встревоженные подводные барханы начали своё движение, и вынырнуть прямо к солнцу.

Вернуться на берег. Записать эти строчки.

Вспомнить о времени. И бежать дальше, и чувствовать, как ускоряет вращение колесо Сансары.

Обидчивые боги

Нашла сразу несколько камешков-богладов — куриных богов — и вздохнула облегчённо.

Я уж подумывала, что что-то не так теперь с Ланжероном: куриные боги оставили его, перекочевали на другие, более спокойные пляжи. Оказалось, что всему виной невероятный наплыв курортников нынешним летом, которому я, с одной стороны, рада, а с другой...

Кто видел одесские городские пляжи (не частные — муниципальные) к вечеру, тот поймёт, о чём я.

Эти шустрые ребята смели всё: камешки, ракушечки, пёрышки, хорошо, хоть песок оставили.

Теперь пляжи полупустые, и раковины разные можно найти, и боглазика, и вообще. Нашла несколько камешков, которые ещё не стали куриными божками, но вот-вот, вот-вот...

Один клятвенно мне пообещал, что к следующему лету дырочка станет сквозной. Поверила и отпустила.

По одному из поверий, того, кто тебе подарил камешек-боглаз, непременно нужно поцеловать. Иначе подарок не принесёт ни удачу, ни здоровья, ни счастья. Вспомнилось, как подаренный мной боглаз был забыт, а попросту брошен на песок человеком лёгким и поверхностным, как оказалось впоследствии. Я поднимать камешек не стала, он уже не был моим, но мысленно попросила прощения.

Через полгода человек, бросивший боглаз, заболел. Сейчас с ним всё в порядке, а тогда я просто потеряла покой и была готова ехать на берег, искать брошенный камешек и просить о пощаде — не со зла человек так поступил, просто он такой... поверхностный.

А они такие обидчивые, куриные боги.

Татьяна ПОДЕРСКАЯ

Знай наших!

8 июня 2016 г. команда ветеранов гандбола «Одесса» отправилась на Х чемпионат Европы по гандболу среди ветеранов — European Masters Handball Championships — в Республику Хорватия (г. Пореч). На этом престижном спортивном форуме команда представляла Украину в категории «+ 50». Всего на соревнованиях были представлены 18 стран-участниц, 61 игровая команда, из которых 12 — в дисциплине «гандбол», категория «+ 50». Наша команда сыграла пять отборочных игр, по итогам которых попала в полуфинал и, обойдя венгерский «Budapest Old Boys», вышла в финал. Ну а в финальном матче, сразившись с командой из Италии «Roma Handball», стала победительницей со счетом 20:16.

Эти несколько строк, которые констатируют факт победы одесситов, конечно, не могут передать всех тех эмоций, волнений, чувства ответственности, которые переполюбили и игроков, и членов нашей делегации. Кстати, у одесской команды была самая малочисленная, но самая эффективная группа поддержки. Но главное, конечно, мастерство и воля к победе самих игроков. И результаты убедительно доказали это.

А теперь — обо всем по порядку.

10 июня — первый день отборочных игр и первый солнечный день среди дождливого ненастья. Адриатическое солнце как-то сразу дало ощущение того, что все обязательно будет хорошо! Нет, было, конечно, так же волнительно и ответственно, но как только началась первая игра с итальянской командой «Trionfale Roma», возникло ощущение стремительной удачи и веры в победу.

Так и случилось. Три игры за выход в полуфинал — и три более чем убедительные победы! Судите сами. Игра с командой «Trionfale Roma» (Италия) — 16:3 (7:2); с командой «Saline Boys Bochnia» (Польша) — 16:7 (10:3), с командой «Senta» (Сербия) — 14:7 (7:4).

В субботу, 11 июня, команда «Одесса» встретилась в отборочных играх с командой «Silesia Polska» (Польша) и командой из Венгрии «MAFC Old Boys». Результат: две отборочные игры и две победы — 11:6 (6:3) и 11:3 (6:0).

Таким образом, мы оказались в полуфинале, где встретились с прошлогодними соперниками, буквально вырвавшими у нас победу в финале Европейских игр мастеров — 2015 в Ницце всего на один мяч. Так что полуфинальная игра стала своеобразным матчем-реваншем. И он увенчался успехом! Итог встречи — 14:7 (7:3) в пользу одесситов и выход в финал.

И вот 12 июня наступил самый ответственный и знаковый день турнира — финал! В этот день команда «Одесса» встретилась в борьбе за первое место с командой «Roma Handball» (Италия). Борьба была чрезвычайно напряженной и завершилась с победным для одесситов результатом — 20:16.

Участники благодарны организаторам чемпионата за высокий уровень его проведения, за современные, отвечающие последним

требованиям спортивные сооружения и залы. Все это, конечно, сыграло свою роль и сделало пребывание спортсменов на хорватском турнире комфортным и эффективным.

Хотелось бы, чтобы яркая победа одесситов послужила примером и новым импульсом для дальнейшего развития гандбольного движения в Одесском регионе, возрождения современного, динамичного, активного гандбола.

Каждый игрок, каждый член команды внес свою — столь необходимую в деле победы — лепту. А особые слова благодарности — тренеру и капитану команды Михаилу Щукину и председателю Федерации гандбола Одесской области, игроку команды «Одесса» Сергею Гриневецкому.

Поистине в гандбол играют настоящие мужчины и... настоящие политики!

В атаке — Сергей Гриневецкий

Самая активная группа поддержки

Команда «Одесса» — чемпион!

Яна ЖЕЛТОК

Мане или Моне?

Как-то однажды фотограф Оксана расхваливала своих друзей. Она говорила (а если быть совсем точной, она писала на ФБ), что друзья ее замечательные, добрые, отзывчивые, красивые люди. И еще: они легко отличают Моне от Мане. Когда я прочла эту фразу, по мне проскочил электрический заряд. Его траектория была такой: из глаз в мозг, по позвоночнику и вылетел в самый хвост. Я подумала: ну, да, теоретически это возможно. И вспомнила, что я ведь была на выставке Моне, видела большие полотна с заболоченными прудами и лилиями. Очень давно где-то в Германии. И на выставку Мане тоже ходила! Причем устроили выставку не где-то, а в самой Венеции, во Дворце дождей. Там я рассматривала голую Олимпию с черными служанкой и кошкой. Привезли во дворец и мальчика в ливрее, играющего на флейте. Причем этот «Флейтист» был на плакате выставки, а плакаты эти, как водится в любезной нам Венеции, висели кругом: на

всех стенах, на остановках моторных трамвайчиков вапаретто, на самих вапаретто, а самые гигантские «Флейтисты» красовались на стенах венецианских дворцов. Тут я вывела свою формулу: МАльчик с флейтой — это МАНе. Почему МАНе — потому что МАльчик с флейтой, а с ним еще куча другого народа, среди которого — Олимпия и ребята из «Завтрака на траве». Ведь Мане любил рисовать людей! А когда болотца, кувшинки и пестрые цветочки — это Моне. Помню, я смотрела еще фильм, где старенький художник Клод Моне в какой-то оранжерее рисует прудик. Он любил природу и цвета. Париж в разное время суток — это тоже он. А людей там очень мало или совсем нет. Этим разделением я осталась довольна и поняла, что вполне могу считать себя культурным другом фотографа Оксаны.

Но не тут-то было! Намедни лягушка-путешественница я поехала в Польшу, в город Познань, где есть большой художественный музей. Среди всех картин на почетном месте

обнаружилась картина с очень красивым зеленым, салатным и голубым морем. Живописное, импрессионистское, одно из лучших полотен собрания. Кто-то из настоящих знатоков тут бы и приколотся: уточнил, кто автор — Мане или Моне. Определит бы, уточнил и запомнил. Ну, а я что? Я люблю и того, и другого. Оба художника прекрасны, известны в равной степени, жили в одно время и были хорошими товарищами. И оба время от времени рисовали море. К тому же я очень спешила — пора уезжать. Я сбежала по лестнице в сувенирную лавку и купила несколько открыток, в том числе — открытку с морем. Мне выдали красивый белый конверт, в который я сложила мои открытки, и помчалась в Одессу на автобусах и поездах. В пути я подписала несколько открыток, но открытка с зеленым морем осталась нетронутой. В Одессе я зашла на почту и отправила открытки адресатам.

Тут случилось неожиданное. Открытка с

морским пейзажем исчезла. «Наверное, я оставила ее на почте, надо заехать и спросить», — решила я.

На следующий день снова еду на почту, качусь на велосипеде и репетирую. Сейчас я скажу так: «Вчера покупала у вас марки и где-то забыла конверт, а в нем — морской пейзаж работы Моне». И вдруг почтальон в моем сознании — художочная и неприятная дама — подмигивает злое и спрашивает: «Так там у Вас был пейзаж Моне или Мане?» Ужаснее вопроса я не могу себе представить! Я чуть с велосипеда не свалилась, потому что резко уменьшилась, я превратилась в школьницу, которую после короткой беседы не приняли в лекторий Пушкинского музея, в самый престижный кружок времен СССР!!!

Кое-как восстановив взрослые размеры, я вошла на почту. Спрашиваю про конверт. А его никто нигде не видел. Нет моего конверта на почте, и никто не мучает меня, спрашивая, кто автор полотна.

Интересно, что конверт с морем так и не нашелся. Пропал! Как сквозь землю провалился. Зато я нашла путеводитель по музею, большую и красочную раскладушку, и в нем — картину размером с марочку, с зеленым морем. Называется «Пляж в Пурвилле», и написал ее, конечно, Моне. Хотя они оба писали море, все же МОне — это больше МОне. Еще Моне — это река Сена и болотце в цветочках.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА «Вікна-Одеса» (тел. +38 067-480-37-05).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N 88. Газета отпечатана в ИПП «Печатный дом».

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 725-45-67, 725-53-68. www.odessitclub.org.